

№ 47. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 24 Ноября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

* * *

Стих. **Д. Черткова.**

Раскинулось поле пространствомъ безбрежнымъ
Подъ зимнимъ, блестящимъ ковромъ бѣлоснѣжнымъ...
Мечтаньямъ тревожнымъ и думамъ мятежнымъ
Я отдыхъ найду на далёкомъ просторѣ...
Но вотъ поднимаются бури, мятели
И снѣжныя хлопья, кружась, налетѣли...
Опять непогода, несчастье и горе.

* * *

Томимый надеждой напрасной, тревожной,
Стремясь къ достиженью мечты невозможной,
Бреду я тропою и узкой, и ложной,
Всегда недовольный, всегда безпокойный.
Кругомъ веселятся забавою шумной,
Я-жь мучусь мечтою напрасной, безумной,
Какъ будто-бъ своихъ же надеждъ недостойный.

* * *

Въ мятели и въ бурѣ, среди непогоды,
Себѣ я какъ будто предвижу невзгоды,
Тяжелые, долгіе, грустные годы
Безъ счастія, радости даже минутной.
Мечты моей первой, мечты идеальной
Я вижу теперь только призракъ печальный,
Испуганный шумомъ забавы распутной...

Баской.

Этнографическій романъ **Л. Симоновой.**

(Продолженіе.)

Глава IV.

Не одна семья Перфила высказывала благодарность зимѣ и не одна деревня Каменка, избы которой превращались одна за другой во временной постоялый дворъ, а цѣлые десятки деревень, засѣвшихъ на навдинской дорогѣ. Пока звѣнятъ колокольчики проѣзжихъ да тянутся возы, въ навдинскихъ деревняхъ замѣтенъ праздникъ; женщина надѣваетъ новый платокъ, мужчина запиваетъ могарычи, нѣкоторые, правда, очень немногіе, прячутъ кое-что въ укладку, лишая себя при этомъ и могарычей и платковъ, но эти семьи даже служатъ исключеніемъ, такъ какъ трудно навдинцу, бѣдствующему круглый годъ, устоять противъ соблазна кутнуть, забыться, потѣшить себя обновой; къ тому же и заботы-то его о будущемъ какъ-то не простираются дальше текущаго года, а желанія ограничиваются очисткой податей да возможностью имѣть хлѣбушка на весь годъ. Это выработала въ немъ та среда, въ которой онъ выросъ,—сама жизнь, поставившая его въ исключительное положеніе. Весною онъ снова застонетъ, положитъ зубы на полку, перестанетъ заглядывать въ кабакъ, промѣняетъ свои обновы на хлѣбъ, лѣтомъ пойдетъ даже, можетъ быть, вымаливать Христа ради куски черстваго хлѣба, а зимой снова увлечется, не выдержитъ и потѣшитъ себя хоть на короткое время.

Стемнѣло. Марфа съ сынишкой давно на полатяхъ всхрапываетъ. Тихо и пусто въ избѣ, мигаетъ лучина въ коганцѣ; отъ нея струится легкій дымокъ; черныя тѣни застилаютъ бо́льшую часть пола. Фекла только-что воротилась и убрала коней. Съ лицомъ, пылающимъ отъ перехода съ мороза въ кухонный жаръ, нѣсколько утомленная отъ верховой ѣзды въ обратный путь, дѣвушка только-что было принялась за утоленіе голода, какъ съ печи раздались стоны больного.

— Эхъ-ма! поди-ко никто и не подошелъ спровѣдать-то во весь день, прошептала дѣвушка и, засвѣтивъ новую лучину, подошла къ печи. Блѣдный, съ тусклыми, широко раскрытыми глазами, больной метался и шепталъ что-то; покраснѣвшія руки и ноги были припухши.

— Ишь, сердечный, въ огневкѣ мается, проговорила дѣвушка,—а руки и ноги позноблъ.

Но ни познобленныя руки и ноги, ни огневка, не произвели на дѣвушку особеннаго дѣйствія. Вслѣдствіе климатическихъ условій, необходимости пребыванія часто по нѣскольку часовъ сряду на тридцати- сорокаградусномъ морозѣ, при переходѣ въ холодный воздухъ изъ жарко натопленной избы,—навдинцы не удивляются появленію между ними огневки. Она ихъ частая гостья, уносящая много жертвъ, особенно изъ среды дѣтей. Уѣздный лѣкарь, живущій въ городѣ С., посѣщаетъ села или деревни врученнаго его искуству уѣзда только въ составѣ временнаго отдѣленія, вслѣдствіе происшествія, требующаго вскрытія трупа. Фельдшеровъ на всю навдинскую дорогу очень немного, по одному на волость, и вытребовать его къ больному беретъ много времени и денегъ, что при общемъ недовѣріи крестьянъ ко всякому чужому человѣку дѣлаетъ лѣченіе горячки невозможнымъ. Огневка, не уступающая часто и средствамъ, употребляемымъ противъ нея доморощенными лѣкарками, считается навдинцами неизбѣжнымъ рокомъ, божіимъ попущеніемъ, а убыль въ семействѣ, причиняемая ею, кромѣ наружнаго причитанія оплакивается внутренно только тогда, когда составляетъ потерю трудолюбиваго, хорошаго работника.

Легкое же позноблениe рукъ и ногъ, не смотря на серьезную борьбу навдинца съ зимушкой-матушкой, такое обыкновенное явленіе, на которое никто и вниманія не обращаетъ. Въ прошлую зиму Фекла сама ходила съ облупившейся кожей съ носа и пальцевъ.

Больной пересталъ шептать и перебиралъ теперь пересохшими губами, часто раскрывая ротъ съ побѣлѣвшимъ сухимъ языкомъ.

— Что, испить, что-ли? спросила дѣвушка. Отвѣта не было. Фекла приложила руку къ головѣ больного.

— Ишь ты, горитъ, какъ въ огнѣ, альни ничего не видитъ, не слышитъ... оживетъ-ли только, сердечный?..

Первая попавшаяся Феклѣ жидкость была парное молоко. Приподнявъ голову горячешнаго, дѣвушка приложила край крынки къ его губамъ. Онъ пилъ съ жадностью и въ первыя минуты какъ-будто успокоился. Феклѣ вздумалось стащить больного съ печи на лавку, чтобы дать ему немного «простыть», но, сообразивъ, что одной этого не сдѣлать, она мысленно ругнула тятьку за долгое засѣданіе въ кабакѣ и отправилась къ сосѣдкѣ. Черная изба съ стѣнами, покрытыми густымъ слоемъ сажи, съ закоптѣлымъ потолкомъ, полками и лавками, была пуста. Запахъ осѣвшаго печного дыма вмѣстѣ съ запахомъ дыма лучины стояли въ воздухѣ; лучина гасла; Фекла зажгла новую и осмотрѣлась. На лавкѣ, въ переднемъ углу, лежалъ трупъ покойницы, дѣвочки лѣтъ восьми.

Грустно сдѣлалось Феклѣ; она любила и ласкала сосѣдскую дѣвочку и удивилась она, что огневка такъ быстро справилась съ ребенкомъ. Поцѣловавъ лобъ холоднаго лица покойницы, Фекла помолилась и съ слезами на глазахъ направилась къ двери, какъ въ избу вошла сама сосѣдка Агафья.

— Когда померла дѣвочка?

— А таперечка, бѣгала за баушкой, чтобы обмыть да одѣть, проговорила мать убитымъ голосомъ. Глаза ея были красны и слезились. Но у всѣхъ обитателей дымныхъ избъ глаза постоянно красные и слезящіеся, а потому и трудно было угадать, плакала она или нѣтъ.

— Жалко, поди? проговорила Фекла дрогнувшимъ голосомъ.

— Всякому свое дѣтище жалко, дѣвченка была слухмяная, добрая... Агафья задумалась и послѣ нѣкотораго молчанія продолжала:—А все-же не такъ жаль, какъ въ прошломъ году Алешку. Эту-то, Агафья мотнула головой на усопшую,—все-же бы изъ дому ладить надо, а въ томъ работника лишились. Такъ-то, Феклушка милая, на сына-то надежа была, вѣдь ужь двѣнадцати годковъ былъ, работать куда какъ баско зачиналъ. Съ нимъ-то

вотъ-бы и поправились, а то что наше житье, сама знаешь: съ тѣхъ поръ, какъ коровушка пала да сивку купцы на смерть загнали, нѣтъ намъ поправки, сколько не бьемся. Вотъ вчера нашъ чередъ гоньбы былъ, а что выѣздишь съ одной лошадью? Другую-то припанять пришлось, барыша ужь съ нея нѣту-ти... хлѣбушко на исходѣ, вотъ теперь попу, да свѣчи, да кутья... чистая бѣда, Феклушка, потому, баю, у меня съ сынишкой и надежа пропала... ну, а эта, царство ей небесное... жалко ее шибко, альни сердце щемитъ, а все же лишній ротъ съ хлѣбушка долой...

И, вздохнувъ тяжело, Агафья принялась приготовлять воду, тряпки и мыло для обмыванія покойницы...

Фекла же, вспомнивъ о цѣли своего посѣщенія, бѣгомъ выбѣжала и, пересѣкая наискось дорогу, направилась къ своей любимой подругѣ, молодой бабенкѣ Прасковьѣ, всего годъ какъ вышедшей замужъ.

Прасковью Фекла застала въ хлопотахъ около печи.

— Эка напасть! жаловалась подруга.—Нашъ-отъ чередъ къ почи выпалъ, вотъ обозныхъ жду. Спасибо, сосѣдъ Проклъ упредилъ. Сію минуту, какъ съ гоньбы воротился, такъ обозъ обогналъ большущій, баитъ, возовъ сорокъ идетъ, у насъ заночуютъ. У тя нѣтъ-ли медку да сижковъ парочку, надо прибавить варева, а то боюсь, что не достанетъ. Завтра уплачу.

— Ладно, есть, а пусть-ка Павлуха твой поможетъ мнѣ баскова перетащить съ печи на лавку.

— Какова баскова?

— А прохожій у насъ хворый есть, огневка, дѣвонька, его совсѣмъ распалила, врядъ-ли и оживетъ. Забыла я имячко его, а баской разбаской парень-то.

— Эка втора! Павлуха! крикнула жена спящему на печи мужу,—бѣги Феклунькѣ помочь.

Порядочно подгулявшаго мужика едва добудились; неохотно, съ руганью даже, онъ открылъ глаза, но при взглядѣ на Феклу вдругъ просіялъ и встрепенулся.

— Ахъ, Фекла Перфильевна, наше вамъ. Въ чемъ помочь велите, за васъ въ огонь да въ воду! проговорилъ шутливо, расшаркиваясь, Павелъ, набравшійся отъ проѣзжихъ прикащиковъ умѣнья расшаркиваться и способа ихъ выраженія.

— Ну тя, проклятой, краснобай этакой! засмѣялась Фекла и выбѣжала изъ избы.

Павелъ дорогой догналъ ее, обнялъ и поцѣловалъ крѣпко.

— Ахъ ты, варнакъ этакой! разсердилась Фекла. Съ силою оттолкнула парня и закричала:— Не надо мнѣ не то и помощи твоей, пошелъ къ лѣшему, не смѣй и порога переступать, еще женатый, а за дѣвками бѣгаетъ, всѣ вы варнаки одинаковые.

— Такъ вѣдь я нѣшто за всѣми, — я только въ Феклѣ Перфильевнѣ души не чаю...

— А Феклѣ Перфильевнѣ на тебя плевать. Ишь жену-то не жалѣешь; пошелъ къ Паранькѣ, кайся передъ ней, прощенья проси, варнакъ, право! Тьфу!

Дѣвушка отпихнула въ сторону деревенскаго Донъ Жуана и, оставя его середи улицы хохочащимъ, вбѣжала домой одна съ сердитымъ лицомъ, гнѣвно хлопнувъ дверью. Въ избѣ новая лучина горѣла, а въ полосѣ свѣта сидѣлъ Петръ. Широкое лицо его было задумчиво, взглядъ, брошенный на Феклу, былъ робкій взглядъ.

— Ну, парень, благо ты тутъ, помоги-ка хвораго съ печи на лавку перетащить, горитъ больно, а печь нонѣ жарко натоплена.

Петръ съ какимъ-то рвеніемъ исполнилъ желаніе дѣвушки и по прежнему задумчиво усѣлся противъ Феклы, глядя, какъ она, подложивъ свой полушубокъ подъ голову больного, принялась уничтожать собранные для нея матерью остатки обѣда.

— Что, парень, молчишь-то, зачѣмъ пожаловалъ? спросила его дѣвушка ласково.

Петръ весь встрепенулся, сконфузился и, запинаясь, точно не хотя, подошелъ къ ней.

— Я те, дѣвонька, подарокъ принесъ, глянько, платокъ аленькій, на весь рубль купилъ. И въ рукѣ его мелькнулъ пунцовый кашемировый платокъ.

— Съ чего же ты, парень, вѣдь не жена я тебѣ, не полюбовница, проговорила Фекла укоризненно. — Убирай, убирай его, чтобъ я не видѣла, не то, не токмо что поругаемся, а еще и подеремся. И какъ те не стыдно, вѣдь, кажись, я ни отъ кого подарковъ не принимала, до сихъ поръ никто меня не считалъ за гулящую дѣвку.

— Ну, Богъ съ тобой! проговорилъ Петръ уныло,—нисколь ты меня не жалѣешь!

— А пошто тя жалѣть-то?

— А я вотъ седня чуть жисти не рѣшился.

— А какъ? Дѣвушка серьезно, внимательно взглянула въ глаза парня.

— А тоже сегодня на медвѣжью охоту съ дядей Сидоромъ ходилъ.

— Эка невидаль! проговорила Фекла насмѣшливо.—Я по веснѣ и сама лажу проситься съ кѣмъ-нибудь на лабазъ. Бывать тоже жизни рѣшусь, ха, ха, ха!

Петръ сконфузился, но продолжалъ жалобнымъ голосомъ:—У дяди Сидора кожа съ долоней такъ на рогатинѣ и осталась — примерзла, а у меня пальцы-то, гляди, ишь вздулись.

— Да что ты парень ровно махонькій жалишься, никто велѣлъ въ экой морозъ по медвѣдя ходить. Добро ужь дядя Сидоръ, ему не терпится, безъ работы не можетъ, не вмоготу ему, а ты бы могъ и потеплѣе деньковъ дождаться. Да и что ты взабыль, экими росказнями меня не объѣдешь. Вотъ кого жалѣть надо, глядитко! Она мотнула головой на больного.

— Я съ нимъ сустрѣлся на дорогѣ давѣ, замѣтилъ Петръ и замолчалъ. Мысленно онъ задалъ себѣ вопросъ: отчего это при Феклунькѣ онъ всегда говоритъ — ровно боится, а если и говоритъ, то какъ-то неладно, глупо. И вдругъ, сконфузившись еще больше, заторопился и вышелъ.

Больной въ это время простоналъ. Лицо его приняло скорбное выраженіе, глаза засвѣтились грустью, онъ порывисто заговорилъ что-то.

Выраженіе его лица и тонъ голоса какъ-то особенно подѣйствовали на Феклу. Жалость ея къ нему вдругъ разрослась до высшихъ предѣловъ. Дѣвушка невольно опустилась подлѣ него на лавку, положила руки на его плечи и, нагнувшись къ его лицу, стала прислушиваться, стараясь не проронить ни одного слова.

— Отецъ, говорилъ больной умоляющимъ голосомъ,—не дѣлай этого, не надо мнѣ жертвы съ твоей стороны, пусть я лучше получу должную кару, чѣмъ стащу и тебя съ собой въ омутъ.

Больной заметался и застоналъ. Дѣвушка смотрѣла на него, расширя глаза, почти не понимая смысла того, о чемъ говорилось, но продолжала слушать, затаивъ дыханіе.

— Такъ ты меня не проклинаешь, не гонишь отъ себя? продолжалъ больной, уставившись глазами въ уголъ.—Ты плачешь? О, перестань!.. У меня сердце разорвется при видѣ этихъ слезъ на морщинистомъ лицѣ. Твои ноги дрожатъ, руки, какъ ледъ, холодны, передъ тобой благоговѣть надо, падать ницъ... я уничтоженъ...

Стоны больного вдругъ превратились въ рыданія, въ какія то вопли.

Слушала Фекла и ничего не могла уяснить себѣ изъ этого горячечнаго бреда. Она только какъ-то чутьемъ угадывала, что у нея сердце щемитъ не даромъ, что она жалѣетъ кого-то; до смерти жалѣетъ того, у кого по морщинистому лицу слезы катятся, у кого руки, какъ ледъ, холодны и ноги дрожатъ.

Выраженіе лица больного вдругъ измѣнилось: въ глазахъ выразился ужасъ, лобъ покрылся холоднымъ потомъ, брови сдвинулись. Взглядъ расширенныхъ глазъ остановился неподвижно на противуположномъ углу. Выраженіе его лица сообщалось и на Феклѣ. Объятая суевѣрнымъ страхомъ, она перевела свой взглядъ по направленію взгляда больного: въ едва освѣщенномъ углу тѣнь висящаго неподалеку предмета тихо вздрагивала отъ мелькающаго свѣта догоравшей лучины. Кромѣ этой тѣни Фекла ничего не видѣла, но все-таки глазъ не могла оторвать и точно въ ожиданіи чего-то переживала тяжелыя минуты. Уголекъ лучины упалъ, тихо стукнувъ о желѣзный листъ. Фекла вздрогнула. Еще какой-то шорохъ послышался въ сторонѣ печи — у Феклы мурашки пробѣжали по спинѣ. Шорохъ усиливался и что-то, шелестя крыльями, пронеслось надъ ея головой и стукнулось въ стекло. Дѣвушка чуть не вскрикнула, обомлѣла отъ страха и помимо своей воли повернула голову къ окну: на подоконникѣ прыгала сорока.

— Фу ты, будь ты проклятая, проговорила Фекла со смѣхомъ,—отошла—да добрыхъ людей пугать вздумала, до смерти напугала, постылая, ха, ха, ха, индо и теперь сердце ходуномъ ходитъ! Ужо Ванька радоваться-то будетъ, что отогрѣлъ.

Дѣвушка сунула птицу подъ печь и загородила доской.

«Сиди-молъ до Ванюшки, а то стекла перебьешь...»

А огонь совсѣмъ потухъ въ это время. Точно въ вознагражденіе за перенесенный ужасъ и минутныя потемки, дѣвушка подойдя къ коганцу засвѣтила цѣлый пукъ лучины. Изба ярко озарилась веселымъ свѣтомъ. Фекла успокоилась и снова машинально взглянула въ завѣтный уголъ. Больной все еще смотрѣлъ туда, повидимому, даже не мигая.

— Они тутъ? зашепталъ горячечный, — ты говоришь, близко... Хорошо же! вскрикнулъ онъ злобно. Живого не возьмутъ!

— Съ нами крестная сила! проговорила Фекла шепотомъ и набожно перекрестилась.

Осторожно подойдя къ больному, она взяла его за плечи и попробовала опустить на лавку. Онъ, какъ послушный ребенокъ, вдругъ замолкъ и успокоился, лишь тихо простонывая. А черезъ нѣсколько минутъ Фекла замѣтила, какъ онъ опустилъ вѣки и дыханіе его сдѣлалось тяжелымъ, но ровнымъ дыханіемъ больного, спящаго человѣка. Черезъ четверть часа она и сама всхрапывала на сосѣдней лавкѣ богатырскимъ сномъ, такимъ сномъ, что не слыхала даже, какъ пришелъ полупьяненькій отецъ, какъ онъ на кого-то кричалъ за потемки, какъ, зацѣпившись за что-то, упалъ и не могъ подняться на ноги, какъ коснѣющимъ языкомъ то звалъ ее, Феклу, и сердился, то вдругъ переходилъ въ веселое настроеніе духа и отпускалъ одну за другою шутки да прибаутки, пока, наконецъ, привыкнувъ къ своему положенію, ни заснулъ, бормоча что-то про себя. Не одинъ дядя Перфилъ распивалъ въ тотъ вечеръ могарычи своей «череды»; большая часть мужского населенія праздновала разгаръ ярмарки и въ тотъ вечеръ, можетъ быть, на протяженіи Павдинской дороги сотня дядей Перфиловъ воротились въ свои избы въ его настроеніи духа и заночевали, кто среди избы, кто на порогѣ, кто подъ лавкой.

Мало пьютъ или не пьютъ совсѣмъ только бабы, занятыя то заботами о закупкѣ провизіи или у мѣстныхъ торгашей или у пріѣзжающихъ нарочно изъ города съ цѣлыми возами всего въ городѣ ненужнаго, залежавшагося, то хлопотами,

о пріемѣ гостей въ свою быстро наступающую одну за другою очередь. Зимой больше простора и для развитія взаимной симпатіи и для выгодныхъ договоровъ, тутъ совершаются браки и по любви и по расчету. Вечеринки зимнія, на которыя собирается молодежь обоего пола, не то что вечеринки осеннія, когда собраніе происходитъ при свѣтѣ лучины и дѣвки уныло, опустивъ головы, усердно прядутъ, а парни, не имѣя возможности во весь вечеръ промочить своего горла ничѣмъ другимъ, какъ развѣ кислымъ до нельзя, какъ уксусъ, квaскомъ, жидкимъ и блѣднаго цвѣта, тоже уныло и молча поглядываютъ на избранницъ своего сердца, да развѣ другъ съ другомъ перекинутся словцомъ и то шепотомъ. Зимой дѣло происходитъ совсѣмъ иначе. Тутъ зажигается сальная свѣча иногда маканая, издѣлія деревенскаго торговца, а зачастую и собственной работы, неровная, слоистая, отекающая свѣча, но все-таки роскошь; на столѣ являются пряники, орѣхи и подцвѣченная, подслащенная водка, именуемая наливочкой. Тутъ пѣсни, веселый смѣхъ, поцѣлуи, пляска, тутъ многія дѣвушки получаютъ подарки, въ видѣ яркихъ платковъ, лентъ, стеклянныхъ серегъ или бусъ.

— Точно гора съ плечъ долой, говоритъ павдинецъ зимой послѣ взноса своей недоимки; не одно сердце радивой хозяйки радуется прикупкой новой скотины.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Объясненіе

(на мотивъ изъ Коппé).

Стих. **Д. Л. Михаловскаго.**

Нѣтъ, я въ тебѣ не вижу «идеала»
Но тѣмъ душа моя не смущена,
И видѣть бы тебя она желала
Всегда такой, какой ты создана.

Ничто, ничто меня не ослѣпляетъ:
Ни золото роскошныхъ косъ твоихъ,
Ни тотъ огонь, что искрится, сверкаетъ
Въ твоихъ глазахъ, хоть такъ люблю я ихъ,

Въ тебѣ, мой другъ, не все лишь совершенство,
Но я химеръ напрасно не ловлю
И лишь въ тебѣ я нахожу блаженство,
Всѣмъ существомъ моимъ тебя люблю.

Сказать-ли все? Мнѣ совершенствъ не надо,
Порой меня ты можешь огорчать;
Мнѣ дорога глубокая отрада
Тебя, мой другъ, лелѣять и прощать.

И не ищу въ тебѣ я идеала:
Ты безъ того мнѣ по сердцу пришлась;
Но одного бъ душа моя желала,
Чтобъ съ нею ты своей душой слилась;

Чтобы моеты чувстве понимала,
Дѣля его все искреннѣй, полнѣй,
И теплотой сердечной отвѣчала
На глубину любви моей!

Дамьянъ Цапенко.

Разсказъ **В. Оконьскаго.**

(*Продолженіе.*)



До Цапенки долетали крики и шумъ.

На границѣ произошло слѣдующее: одинъ изъ солдатъ пограничной стражи увидѣлъ въ кустахъ, окружающихъ садъ Табора, какую-то фигуру. Солдатъ спросилъ: кто тамъ? Не получивъ отвѣта на свой вопросъ, онъ выстрѣлилъ. Пуля попала въ спину контрабандиста, который, крикнувъ, упалъ на землю. Въ эту же самую минуту изъ кустовъ выбѣжало нѣсколько людей; за ними въ догонку пустились сбѣжавшіеся на выстрѣлъ солдаты. Цапенко подъѣхалъ къ окружавшимъ убитаго солдатамъ. Это былъ сынъ Постулки. Тутъ же на землѣ около трупа убитаго контрабандиста лежалъ мѣшокъ, изъ котораго высунулось нѣсколько кусковъ полотна. Послѣ долгихъ поисковъ нашли еще нѣсколько такихъ-же мѣшковъ съ полотномъ, переброшенныхъ, какъ можно было догадаться, черезъ заборъ въ садъ.

— Подлый выкрестъ, вскрикнулъ Цапенко,— онъ убѣжалъ, хоть ему слѣдовало бы здѣсь остаться. Вы его не видѣли?

— Нѣтъ, отвѣтили солдаты.

— Это его контрабанда, замѣтилъ ефрейторъ,—я его видѣлъ давеча съ Постулкою.

На пути къ капитану, къ которому Цапенко отправился съ докладомъ о всемъ происшедшемъ на границѣ, онъ замѣтилъ сидящаго на крыльцѣ своего дома Табора. Таборъ казался совсѣмъ спокойнымъ и свистѣлъ какую-то веселую мелодію.

— Какъ поживаете? спросилъ Таборъ, смѣясь во все горло.

— Я не умру, пока тебя не поймаю, отвѣтилъ ефрейторъ и поскакалъ дальше, разсказавъ капитану обо всемъ происшедшемъ. Цапенко— какъ и слѣдовало ожидать отъ влюбленнаго жениха—не медля, поскакалъ къ своей возлюбленной въ надеждѣ, что она съ нетерпѣніемъ ждетъ его. Но увы! издали Цапенко замѣтилъ, что въ окошкахъ квартиры Мотылинскихъ темно. Онъ сталъ прислушиваться, даже постучалъ въ окно, но никто не проснулся въ квартирѣ. Гордящаяся своимъ происхожденіемъ и приданымъ барышня-невѣста спала крѣпкимъ сномъ, какъ и подобаетъ здоровой, немного толстой красавицѣ. Ахъ, Цапенко, зачѣмъ же ты такое письмо написалъ? Не будь ты такъ грубъ, она, навѣрное, не спала бы еще!..

Какъ разъ напротивъ—нашъ герой всю ночь не спалъ. Черныя думы, сомнѣнія, предположенія, все это мучило нашего малороса и не позволяло сомкнуть глазъ ни на минуту. Рано утромъ вмѣстѣ съ солнцемъ всталъ Цапенко съ постели и поѣхалъ къ капитану. Этотъ послѣдній, давъ надлежащія распоряженія касательно вчерашняго происшествія, вручилъ ефрейтору письмо отъ матери. Цапенко, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ скрыть истинной радости. Съ письмомъ въ рукѣ онъ выбѣжалъ на дворъ и, разорвавъ конвертъ, началъ читать дорогое письмецо его старухи матери. Лишь только пробѣжалъ онъ глазами первыя строки, смуглое его лицо стало почти бѣлымъ; онъ тяжело застоналъ и сѣлъ на лежащую у его ногъ колоду.

— Умеръ, бѣдный батько, и меня не дождался...

Цапенко долго сидѣлъ на дворѣ капитана: онъ думалъ о старикѣ-отцѣ, ему стало такъ жаль добраго батьку, что крупныя слезы, какъ градъ, катились изъ его глазъ на землю. Успокоившись немного, онъ дочиталъ длинное письмо. Мать писала въ немъ, что отецъ упалъ съ высокой борти и черезъ нѣсколько дней послѣ этого его не стало. Хозяинъ же, вознаграждая бѣдную вдову за вѣрную службу ея покойнаго мужа, подарилъ ей нѣсколько десятковъ ульевъ. Въ концѣ письма было написано, что мать ждетъ съ нетерпѣніемъ возвращенія дорогого сына и надѣется найдти въ немъ лучшаго опекуна.

«Только ради Бога, не оставайся тамъ, мой соколъ дорогой, я бы здѣсь безъ тебя съ тоски умерла»—прибавлено было въ концѣ письма.

И такіе люди, какъ Цапенко, страдаютъ. И у нихъ есть такія горькія минуты въ жизни и они ведутъ не разъ внутреннюю грозную борьбу двухъ стремленій, двухъ чувствъ, что голова идетъ кругомъ, а мысли путаются, поднимая грозную бурю подъ черепомъ. Что дѣлать? Бросить, забыть свою красавицу или несчастную, одинокую старуху-мать? Бѣдняга, онъ мучился подъ давленіемъ гнетущаго его несчастія. А гдѣ искать спасенія? Вдругъ, какъ будто какая-то счастливая мысль озарила хаосъ его печальныхъ думъ, Цапенко всталъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ домой. Еслибы капитанъ могъ видѣть Цапенко въ ту минуту, когда онъ сѣлъ въ своей комнаткѣ за столъ и началъ писать, вмѣсто того, чтобъ увѣдомить таможню о вчерашнемъ происшествіи, онъ не узналъ бы своего ефрейтора. Цапенко писалъ письмо къ своей матери, писалъ одинъ, безъ помощи Гортензіи и, нужно замѣтить, видъ у него былъ такой, что едва-ли барышня невѣста рѣшилась бы поправлять написанное имъ. Иногда невольныя дѣйствія человѣка обнаруживаютъ гораздо лучше его умъ, чѣмъ сознательныя. Цапенко, не объясняя себѣ причинъ, чувствовалъ, что ея совѣтовъ и поправокъ онъ не могъ, не долженъ бы принять да и не принялъ бы въ расчетъ при составленіи этого письма. Ему стало легче, когда увидѣлъ, что письмо окончено. Теперь только ефрейторъ вспомнилъ о своемъ начальникѣ. Онъ немедленно отправился въ таможню, гдѣ прежде всего отдалъ письмо. Черезъ два часа онъ прискакалъ назадъ и сейчасъ же пошелъ къ барину.

— Такъ это для тебя только теперь утро? спросилъ Бжостъ.

— Вчера словили контрабанду, убили человѣка, оправдывался Цапенко,—я ѣздилъ послужбѣ.

— А что-жъ? не раздумалъ еще купить садъ?

— Нѣтъ, баринъ... Я сегодня еще больше буду васъ просить,—продайте.

— Конечно, кому-нибудь продамъ. А то, чортъ возьми, подумаютъ еще, что я его сдѣлалъ вертепомъ контрабандистовъ. Говорятъ, что они и въ хижинѣ что-то спрятали?

— Только мѣшокъ шелку.

— А мазурики!

— Такъ продайте, баринъ.

— Что-же, ты готовъ расплакаться... Что съ тобою?

— Сегодня получилъ отъ матери письмо, отецъ умеръ.

— А, это глупо. Такъ зачѣмъ тебѣ садъ теперь? Получишь отставку,—ну и съ Богомъ къ матери.

— Я написалъ, чтобы она пріѣхала ко мнѣ.

— Человѣче, да ты не стоишь матери! Старуху таскать такъ далеко!?

— По желѣзной дорогѣ пріѣдетъ.

— Ты когда-нибудь будешь проклинать эту дѣвку, которая тебя опутала. Нѣтъ, сада не продамъ, купи себѣ другой.

— Никто не продаетъ... Сжальтесь, баринъ!

— Не сегодня. Будешь жениться,—приходи. Тогда поговоримъ.

— Не забывайте о моей просьбѣ, баринъ...

— Да, ты братецъ, самъ о себѣ не забывай.

Хотя Бжостъ не продалъ ему сада и даже не сказалъ, во сколько его оцѣниваетъ, Цапенко вышелъ отъ него съ бодрымъ видомъ.

Если печаль долго гоститъ въ душѣ простого человѣка, одна улыбка въ состояніи разсѣять его. Со вчерашняго дня ефрейторъ не видѣлъ своей возлюбленной; къ ней теперь онъ побѣжалъ на минуту. Приближаясь къ ея дверямъ, Цапенко размышлялъ о томъ, проститъ-ли она ему во имя сегодняшней его печали и горя вчерашнюю неловкость? Въ дверяхъ ефрейторъ встрѣтился съ выходящимъ отъ Мотылинскихъ Таборомъ. Оба противника посмотрѣли другъ на друга такимъ взглядомъ, который не допускалъ мысли о какомъ бы то ни было примиреніи. Таборъ насмѣхался надъ ефрейторомъ, а этотъ послѣдній взглядомъ выражалъ безпредѣльный гнѣвъ

и презрѣніе. Войдя въ комнату, Цапенко засталъ одну только Гортензію. Новый шипъ въ его любви!

— Съ добрымъ утромъ, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Съ добрымъ, не хотя отвѣтила Гортензія, не смотря на вошедшаго въ комнату жениха. Она примѣряла передъ зеркаломъ только что оконченный желтый платокъ.

— Вы здоровы? спросилъ онъ, вчера не испугались?

— Я, слава Богу, не куропатка, чтобы бояться выстрѣла.

— Убили человѣка; говорятъ, что Таборъ его уговорилъ...

— А вы видѣли, что говорите! Всему Таборъ виноватъ. Если бы на вербѣ выросли груши, вы бы тоже сказали, что это Таборъ сдѣлалъ.

— Онъ мошенникъ, избранный...

Барышню разсердили послѣднія слова. Она отвернулась отъ Цапенки, облокотилась на подоконникѣ и начала пѣть веселую пѣсню.

— Пожалѣйте меня, барышня, рѣшился, наконецъ, попросить послѣ неловкаго молчанія Цапенко,—у меня большое горе. Отецъ померъ.

Есть два слова и два происшествія: смерть и замужество, которыя всегда умѣютъ затронуть такихъ женщинъ, какъ Гортензія.

— Померъ! не то съ участіемъ, не то съ удивленіемъ вскрикнула она.

— Да-съ! Сегодня я получилъ отъ матери письмо. Она пишетъ, что отецъ упалъ съ борти...

Одного этого слова было довольно, чтобы на лицѣ Гортензіи показалась презрительная улыбка. Она опять вошла въ свою роль обиженной красавицы и замѣтила:

— Молодой можетъ протянуть ножки, а старый долженъ.

Эти презрительныя слова до глубины души взволновали нашего героя. Онъ рѣшительно заявилъ своему идолу:

— Какъ только дадутъ отставку поѣду къ матери!

У барышни потемнѣло въ глазахъ. Ее испугала мысль потери жениха и притомъ жениха, которымъ она дорожила, хотя въ ея сердце по какимъ-то особеннымъ причинамъ глубже засѣлъ Таборъ. Старый выкрестъ въ эту минуту, когда она увидѣла, что онъ одинъ останется въ ея распоряженіи, показался ей настолько противнымъ, насколько прежде былъ привлекательнымъ.

— Ну, такъ уѣзжайте, если вамъ такъ угодно,—вѣдь я не утоплюсь изъ-за этого.

— Зачѣмъ вамъ топиться, проговорилъ Цапенко,—Таборъ останется.

— Возьмите съ собой этого мериноса.

Этотъ отвѣтъ обезоружилъ ефрейтора. Онъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ состраданія къ своей возлюбленной и раскаяніе въ томъ, что такъ жестоко испытывалъ ее.

— Нѣтъ, дорогой мой ангелъ, съ чувствомъ сказалъ Цапенко,—я написалъ матери, чтобы она сюда пріѣхала.

— Чтобы сюда пріѣзжала? А чтоже она будетъ тутъ дѣлать? спросила Гортензія, возвысивъ голосъ, къ чему прибѣгла, считая свою позицію лучше Цапенкинаго положенія.—Она вѣдь простая женщина!

— Простая иль не простая—это другой вопросъ, отвѣтилъ Цапенко.—Она мнѣ мать и ея мѣсто при мнѣ.

Барышня молчала.

— Я посовѣтовалъ ей, чтобы она продала сейчасъ пасѣку, коровъ, лошадь, всѣ вещи и пока еще тепло пріѣзжала ко мнѣ.

— Вы ужь ей написали? спросила Гортензія, подумавъ немного.

— Написалъ.

— Такъ напишите еще одно письмо, сказала она повелительнымъ тономъ,—чтобы мать привезла мнѣ десятокъ арбузовъ; у васъ ихъ такъ много, а здѣсь у нашего собаки садовника ни кусочка нельзя достать.

— А чтобъ меня, вскрикнулъ Цапенко, ударяя кулакомъ въ лобъ,—совсѣмъ забылъ, такъ покойный родитель умъ спуталъ у меня. Я сейчасъ напишу.

— Напишите, пожалуйста, что этимъ она сдѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе.

— О и это напишу, обрадовался Цапенко, сжимая руку возлюбленной и всматриваясь, въ ея глаза,

— Адю, адю, говорила Гортензія, подражая барышнямъ, къ которымъ себя причисляла,—мнѣ нужно идти къ мамашѣ въ садъ.

Когда Цапенко ушелъ, его невѣста, убѣдившись, что онъ не вернется, сбросила желтый платокъ и смотрѣла въ зеркало, къ лицу-ли ей синія бусы, которыя передъ испытующимъ взглядомъ Цапенки скрывалъ платокъ. Улыбкою истиннаго удовольствія она благодарила теперь—кого? Удивительно, какъ это лошадь Цапенки не споткнулась въ эту минуту.

Можетъ быть, потому, что какъ разъ въ это же время Таборъ собрался уѣхать далеко, а по крайней мѣрѣ, на долго. Вчерашнее происшествіе встревожило его не на шутку, тѣмъ болѣе, что глухая вѣсть объ его участіи въ этомъ дѣлѣ разнеслась повсюду. Онъ боялся обыска и постарался увезти все лишнее отъ себя. Притомъ ему надо было какъ разъ въ это время уѣхать за покупкою хлѣба. Воспользовавшись удобнымъ предлогомъ, онъ вывезъ все еще до того времени, когда могли могли бы обратить вниманіе на его отъѣздъ.

Когда Цапенко оканчивалъ второе письмо къ матери, прося ее привезти побольше арбузовъ, Табора въ Пжесмыкѣ уже не было, а куда онъ уѣхалъ, объ этомъ воробьи на крышахъ не чирикали.

Ефрейторъ жалѣлъ, что безнаказанно позволилъ уйдти лисицѣ и увезти добычу, но съ другой стороны онъ радовался, что хоть на время освободился отъ его происковъ, особенно въ отношеніи своей невѣсты. А теперь дѣйствительно Цапенко нуждался въ покоѣ и въ свободномъ времени. Черезъ мѣсяцъ онъ надѣялся получить отставку, нужно же было подумать о будущемъ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ Цапенко не зналъ, гдѣ устроить свое семейное гнѣздышко. Что касается послѣдняго пункта то, хотя частые припадки гнѣва невѣсты не разъ разрывали съ такимъ трудомъ вязанную ефрейторомъ нить будущаго ихъ счастія, но этотъ послѣдній все связывалъ разрывающуюся ниточку и не терялъ надежды, что этой нити въ скоромъ времени суждено поддерживать его счастье. Иначе вѣдь онъ не писалъ бы матери, чтобы она ѣхала къ нему и привозила арбузы.

Бжостъ стоялъ на своемъ: ни за какія деньги не хотѣлъ продать ефрейтору своего сада. Но не запрещалъ своему любимцу воздѣлывать его и даже позволилъ ему поселиться въ домикѣ, выстроенномъ въ самой серединѣ сада. Цапенко по немножку, на сколько оставалось у него свободнаго отъ службы времени, работалъ въ саду, придавая ему все лучшій видъ. Нѣсколько счастливыхъ поимокъ увеличило его кассу, но вѣдь чуда не создать за какихъ-нибудь сотпятидесяти цѣлковыхъ!

— Да ты съума сошелъ, другъ любезный, замѣтилъ ему однажды Бжостъ, — хочешь садъ купить у меня, но вѣдь земли ѣсть не будешь, а хотя бы ты и воздѣлалъ этихъ нѣсколько моргеновъ—и тогда не хватитъ даже длятебя одного. Я не требую твоихъ денегъ сейчасъ — отдашь, когда разбогатѣешь,—а теперь заведи хоть кое-какое хозяйство, корову, птицъ немного, какую-нибудь мебель, орудія.

Цапенко въ словахъ Бжоста увидѣлъ лучшій дружескій совѣтъ, какой только могъ ему дать помѣщикъ. Онъ послушался этого совѣта и даже, такъ сказать, улучшилъ его, заявляя нѣкоторыя при этомъ изобрѣтательскія способности. Не только началъ онъ заводить хозяйство, но задумалъ попробовать, не удастся-ли ему соединить сельскаго хозяйства съ промышленностью. Цапенко, сынъ пчеловода, выросшій среди ульевъ и бортей, былъ хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ. Онъ купилъ десять ульевъ и намѣревался сейчасъ по выходѣ въ отставку перевезти ихъ въ свой садъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Изъ исторіи романтизма.

Ст. Диллетанта.

(*Продолженіе.*)

III.

Тѣмъ не менѣе въ эту эпоху эксцентричныхъ костюмовъ, когда каждый романтикъ считалъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ имѣть войлочную, мягкую шляпу à la Рубенсъ, или испанскій плащъ, кафтанъ à la Фанъ-Дейкъ, или польскій контушъ съ бранденбургами, венгерскую куртку или всякое другое, иностранное (или, вѣрнѣе, странное) одѣяніе, — одинъ только Жераръ де-Нерваль одѣвался чрезвычайно просто, какъ бы желая стушеваться и сдѣлаться невидимкой. Жераръ деНерваль былъ необыкновенно замѣчательная талантливая натура, не успѣвшая дать всего того, что она могла бы дать, натура, по преимуществу, не кабинетная. Онъ работалъ и создавалъ свои лучшія произведенія, такъ сказать, на ходу. Отъ времени до времени онъ внезапно останавливался на углу какой-нибудь улицы, искалъ въ своемъ карманѣ записной книжки и записывалъ мысли, фразу, какой-либо знакъ, понятный лишь ему одному. Такъ сочинялъ онъ. Не разъ выражалъ онъ желаніе подвигаться въ жизни вдоль длинной ленты, свивающейся позади него, ленты, на которой онъ могъ бы записывать приходящія ему въ голову идеи, такъ чтобы въ концѣ пути составилась цѣлая книга изъ одной фразы. По временамъ его можно было замѣтить, вдругъ остановившимся на углу улицы, со шляпой въ рукахъ, въ пароксизмѣ какого-то экстаза, очевидно, не сознающаго гдѣ онъ находится, съ глазами, полными внутренняго огня, глядящими вдаль... Внутренняя жизнь, жизнь фантастической мечты и какъ бы вѣчныхъ сновидѣній на яву, все болѣе и болѣе поглощала Жерара де-Нерваля, но въ эпоху, о которой мы говоримъ, ни одна черная туча не прошла еще по этой жизни и ничто не предвѣщало тогда трагическаго конца талантливаго писателя, котораго можно считать наиболѣе яркимъ и своеобразнымъ выразителемъ французскаго романтизма перваго фазиса.

Однимъ изъ первыхъ его литературныхъ опытовъ была комедія «Laforêt», въ которой изображенъ былъ Мольеръ въ его домашней обстановкѣ, читающій свои произведенія добродушной кухаркѣ Лафорэ, которой здравый смыслъ и трезвость сужденій великій писатель цѣнилъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ похвалы и фразы всѣхъ «beaux esprits» версальскаго двора. Эта комедія была легкимъ наброскомъ совершенно въ стилѣ Мольера, написаннымъ съ глубокимъ и изумительнымъ знаніемъ языка и стиля семнадцатаго столѣтія, совершенно незнакомаго тогдашнимъ классикамъ, поклонявшимся «великому вѣку». Вся комедія была написана въ сѣромъ, какъ бы подавленномъ и поблекшемъ тонѣ старыхъ выцвѣтшихъ ковровъ. «Laforêt» была принята въ театрѣ Одеона, но по какому-то случаю не была представлена и неизвѣстно куда дѣлась.

Точно также неизвѣстно, что сталось съ дру-

гимъ, не менѣе оригинальнымъ произведеніемъ юности Жерара де-Нерваля «Prince des sots»,— чрезвычайно удачнымъ и необыкновенно остроумнымъ подражаніемъ извѣстныхъ средневѣковыхъ «Diableries».

По странной, впрочемъ, понятной случайности, борьба романтизма съ классицизмомъ должна была разрѣшиться на театральныхъ подмосткахъ; такъ какъ сила классиковъ сосредоточена была по преимуществу въ театрѣ, то не мудрено, что романтики стремились соперничать съ классиками именно на этомъ поприщѣ. Романъ-фельетонъ къ тому же не существовалъ еще; поэтому у поэта-романтика былъ одинъ только балконъ, съ котораго онъ могъ бесѣдовать съ публикой, — театральныя подмостки. Отсюда безчисленное множество драмъ, фабриковавшихся тогда романтиками. Само собой разумѣется, что всѣ эти драмы безжалостно были возвращаемы директорами театровъ, хотя между ними были пьесы, не лишенныя литературныхъ и сценическихъ достоинствъ. Къ нимъ можно причислить между прочимъ и драму Нерваля въ стихахъ, подъ заглавіемъ «La Dame de Courage». Это была исторія одного плѣн-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЕЙШЛАГА.

Въ лѣсу.

Рѣзано по фотографіи.

ника, арабскаго эмира, привезеннаго изъ Палестины какимъ-то барономъ-крестоносцемъ и влюбляющагося въ шатлену замка. Контрастъ ислама съ христіанствомъ, походной палатки и феодальнаго замка, сѣвера и жгучей пустыни юга, дикой кровожадности и рыцарства,—все это, выраженное въ стихахъ, не лишенныхъ красоты и энергіи, было очень сценично и эфектно. Спустя лѣтъ шесть или семь, Александръ Дюма воспользовался этими данными драмы въ своей пьесѣ: «Charles VII chez ses grands vassaux».

Подобно другому борцу романтизма,—Генриху Бэйлю (Стендалю), но безъ всякихъ ироническихъ намѣреній, Жераръ де-Нерваль всегда скрывался подъ различными псевдонимами (Fritz, Aloysius Blok и проч.). Такая настойчивость избѣгать извѣстности многимъ казалась аффектаціей или даже расчетомъ, но въ сущности она происходила отъ рѣдкаго и въ тогдашнее время уваженія къ искуству. Не смотря на свою крайнюю добросовѣстность, онъ все-таки былъ недоволенъ своими произведеніями, слишкомъ удаляющимися отъ идеала, и придавать имъ личный отпечатокъ ему всегда казалось ребяческимъ тщеславіемъ. Онъ первый перевелъ на французскій языкъ гетевскаго «Фауста» и Веймарскій Юпитеръ, прочитавъ этотъ переводъ, написалъ ему собственноручно, что онъ «никогда еще такъ хорошо не понималъ себя». И дѣйствительно, задача была трудная передать на французскомъ языкѣ красоты этой ультра-романтической и во второй своей части нѣсколько туманной драмы; но Нерваль выполнилъ эту задачу необыкновенно удачно и нѣмцы, имѣющіе странную претензію казаться непонятными для большинства рода человѣческаго,—были побѣждены на этотъ разъ. Во французской литературѣ этотъ переводъ Фауста остался классическимъ.

Благодаря своему знакомству съ Гете, Уландомъ, Бюргеромъ, Тикомъ, — Нерваль сохранилъ въ своемъ талантѣ мечтательный оттѣнокъ, такъ что его переводами нѣмецкихъ романтиковъ можно до извѣстной степени объяснить его собственныя, послѣдующія произведенія. Замѣчательно, однако же, что этотъ германизмъ овладѣлъ только его мыслью, нисколько не коснувшись его языка, — необыкновенно яснаго, точнаго, языка великихъ писателей XVIII столѣтія. Самыя невѣроятныя странности и фантастичность облечены у Нерваля въ совершенно классическія формы языка, что придаетъ его произведеніямъ необыкновенную прелесть и новизну. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко выдѣляется отъ большинства писателей романтической школы, усвоившихъ себѣ вычурный языкъ, странныя формы, напыщенныя выраженія.

Жераръ де-Нерваль былъ нѣсколько разъ въ Германіи и страстно полюбилъ ее. Результатомъ этихъ путешествій былъ прелестный «Капризъ», который можно поставить на ряду съ лучшими главами «Сантиментальнаго путешествія» Стерна. Нѣмецкій, туманный и почти безпредметный сантиментализмъ, перемѣшанный съ французскою verve, — вотъ общій характеръ этого крайне талантливаго наброска. Авторъ самымъ страннымъ, но въ тоже время и чрезвычайно привлекательнымъ образомъ примѣшиваетъ къ бойкому разсказу мечты, историческія воспоминанія, готическія бредни нѣмецкихъ поэтовъ, народную жизнь и французское остроуміе.

Къ этой же эпохѣ его жизни можно причислить и драму «Leo Burckardt», поставленную на театрѣ «Porte Saint-Martin», драму, которая несомнѣнно останется одной изъ самыхъ удачныхъ попытокъ французскаго романтизма первой эпохи. Лео Буркартъ—публицистъ, который въ газетѣ, редактируемой имъ, высказываетъ смѣлыя политическія идеи и широкія планы реформъ; принцъ, убѣжденный въ его искренности, не только не изгоняетъ его, но дѣлаетъ его министромъ, давая ему, такимъ образомъ, возможность осуществить свои теоріи и примѣнить къ жизни свои мечты. Лео принимаетъ предложеніе и встрѣчается лицомъ къ лицу съ людьми и дѣйствительнымъ міромъ. Поклонникъ отвлеченнаго идеала, онъ намѣревается управлять государствомъ, не употребляя ни одного изъ административныхъ орудій; онъ не слушаетъ навѣтовъ тайныхъ полицейскихъ сыщиковъ и поэтому не знаетъ, что жизни принца угрожаетъ опасность и что интрига угрожаетъ его собственной чести. Считаемый измѣнникомъ его прежними единомышленниками, подозрѣваемый дворцовой партіей, идя ощупью среди всевозможныхъ интригъ, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ теряетъ всю свою популярность, друзей, семейное счастіе, и отказывается отъ министерскаго портфеля, разочарованный, потерявъ вѣру въ свой талантъ, въ себя и въ человѣчество. Общее впечатлѣніе этой драмы было бы слишкомъ безотраднымъ, если бы дѣйствіе не разнообразилось комическимъ изображеніемъ студенческихъ заговоровъ. Эта драма, принадлежащая перу одного изъ крайнихъ романтиковъ, заразившагося нѣмецкимъ мистицизмомъ, кажется тѣмъ не менѣе написанною холоднымъ дипломатомъ, человѣкомъ дѣловымъ, знающимъ людей и прекрасно изучившимъ дѣйствительность.

Жераръ де-Нерваля можно считать наиболѣе яркимъ и полнымъ представителемъ романтизма, который, порѣшивъ съ классической формой искуства, искалъ новыхъ идеаловъ; рядомъ съ увлеченіемъ средневѣковымъ католицизмомъ, восторгъ передъ вновь открывшимся востокомъ не зналъ предѣловъ; поэзія Ламартина, Виктора Гюго и Байрона сдѣлали модными Восточные сюжеты, съ ихъ поэтическою таинственностью и яркой фантазіей. Нерваль, бывшій нѣсколько разъ на Востокѣ и увлеченный общимъ потокомъ, написалъ нѣсколько разсказовъ изъ восточной жизни, но этотъ фантастическій міръ слишкомъ увлекъ его въ сторону сведенборговскаго мистицизма,—что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало наклонности его ума къ крайней мечтательности. Постепенный, все болѣе и болѣе увеличивающійся захватъ мечтательностью его психическаго міра сдѣлалъ въ концѣ концовъ жизнь Жерара де-Нерваля почти невозможной. Его знаніе нѣмецкаго языка, его изученіе нѣмецкихъ поэтовъ, его крайній идеализмъ предрасполагали его къ иллюминизму, къ мистической экзальтаціи. Его постоянное чтеніе мистическихъ книгъ, его эксцентричная жизнь, не подчинявшаяся рѣшительно никакимъ общественнымъ условіямъ, его долгія, уединенныя прогулки, создавали ему фантастическій міръ, неимѣющій ничего общаго съ реальнымъ міромъ. Несчастная любовь привела эту возбужденность, до тѣхъ поръ внутреннюю и сдерживаемую, къ крайней степени пароксизма. Нерваль пересталъ владѣть собой и однажды, въ январѣ 1859 года, истощенный, помѣшанный, онъ повѣсился въ улицѣ Стараго-Фонаря (Vieille Lanterne). По поводу одной картины, Теофиль Готье слѣдующимъ образъ описываетъ эту улицу, въ настоящую минуту уже несуществующую: «Улица Стараго-Фонаря пробуждаетъ во мнѣ одно изъ самыхъ трагическихъ воспоминаній. — Да, вотъ онъ, этотъ черный домъ среди высокихъ, грязныхъ домовъ, рѣшотка водосточной трубы, зловѣщая, какъ отверстіе ада, лѣстница съ каменными, истертыми ступенями, заржавленный, желѣзный брусокъ съ кускомъ веревки, на которой повѣсился Жераръ де-Нерваль, — вся эта мрачная поэма зловонія и ужаса, эта сцена, приноровленная для драмъ отчаянія, разбойничій притонъ стараго Парижа, среди блеска цивилизаціи, но, къ счастію, уже исчезнувшій! Въ этомъ именно видѣ, однажды январьскимъ утромъ, шлепая по тающему снѣгу, увидалъ я ее, эту страшную улицу, — свидѣтельницу агоніи Нерваля. Сквозь узкую скважину блѣдный лучъ солнца освѣщалъ на площади Шателе позолоченную статую фонтана, какъ символъ славы. Прибавьте къ этому ужасную и зловѣщую подробность,— на площадкѣ лѣстницы прыгавшаго и летавшаго ручнаго ворона, карканіе котораго, казалось, вызовомъ на самоубійство, вызовомъ, увы! услышаннымъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, черныя перья птицы, ея зловѣщее карканье, странное, почти пророческое названіе улицы, видъ притона,—показались этому блестящему уму, помутившемуся отъ мечтательности, кабалистическими знаками, призывавшими его покончить съ жизнію...»

Не правда-ли, что это ультра-романтическое описаніе какъ нельзя лучше заканчиваетъ характеристику этого ультра-романтическаго таланта Нерваля?

IV.

Не менѣе своеобразной и характерной личностью, хотя въ другомъ родѣ, былъ Жюль Вабръ. Не только въ анналахъ романтизма, но даже и въ воспоминаніяхъ большинства дѣятелей тогдашняго умственнаго движенія, имя его не упоминается; онъ не былъ ни писателемъ, ни художникомъ, а между тѣмъ его участіе въ движеніи, его несомнѣнное вліяніе не могутъ быть отрицаемы. «Онъ не носился съ своимъ романтизмомъ, какъ съ вывѣской, говоритъ Готье,—не имѣлъ тѣхъ развязныхъ манеръ, которыя были тогда въ такой модѣ. Его свѣтлорусые волосы, начавшіе уже рѣдѣть, не падали на плечи, его усы не спускались къ половинѣ груди, какъ у древнихъ бретонскихъ воиновъ, но его сѣрые глаза искрились насмѣшкой, а вокругъ рта, носа, глазъ образовывались и исчезали тысячи маленькихъ морщинъ, полныхъ ироніи. По временамъ онъ беззвучно хохоталъ на подобіе могикана, при мысли о тѣхъ удивительныхъ картинахъ, которыя возникали въ его мозгу, а когда онъ говорилъ, то казалось, что передъ слушателемъ выступаетъ цѣлый рядъ уморительныхъ фигуръ, гримасничающихъ, кувыркающихся, смѣющихся, показывающихъ вамъ языкъ и внезапно исчезающихъ, подобно китайскимъ тѣнямъ. Разговаривая съ нимъ, вы точно перелистывали романъ Раблэ. Все это было совершенно безумно, но въ то же время и необыкновенно правдиво. Всѣ эти фантастическія куклы жили чрезвычайно интенсивною жизнію, попеременно, то комическою, то трагическою. Онъ былъ романтикомъ съ значительною дозою Раблэ; съ видомъ самымъ невозмутимымъ и серьезнымъ онъ разсказывалъ самыя невѣроятныя вещи и мистифицировалъ буржуа съ апломбомъ Панюржа. Онъ напоминалъ также того Мерке, въ которомъ Гёте видѣлъ самый совершенный прототипъ Мефистофеля».

Жюль Вабръ любилъ Шекспира, по любовью, которая казалась крайнею даже самымъ восторженнымъ романтикамъ. Въ этой любви—его право на уваженіе и память романтическаго потомства. Шекспиръ былъ его божествомъ, кумиромъ, страстью, необычайнымъ феноменомъ, къ которому онъ не могъ привыкнуть и которое не переставалъ все болѣе и болѣе его удивлять. Онъ думалъ о Шекспирѣ днемъ, мечталъ ночью и, какъ Лафонтенъ, спрашивавшій у прохожихъ: «читали вы Боруха?» Жюль Вабръ готовъ былъ спрашивать всѣхъ и каждаго: «читали вы Шекспира?» Однимъ словомъ, этотъ неудачный аспирантъ въ архитекторы былъ жертвой великаго англійскаго поэта. Находя, что недостаточно знаетъ англійскій языкъ, Жюль Вабръ отправился въ Лондонъ, не боясь ни голоду, ни холоду, съ единственною цѣлью усовершенствоваться въ языкѣ Шекспира, такъ, чтобъ ни малѣйшіе оттѣнки текста не ускользали отъ него. По его мнѣнію,—и въ этомъ от-

ношеніи онъ былъ правъ, — для того, чтобы вполнѣ усвоить иностранный языкъ необходимо окунуться, такъ сказать, въ атмосферу этого языка, отказаться отъ всякой мысли, всякой критики, слѣпо подчиниться средѣ, подражать на сколько возможно жителямъ въ жестахъ, привычкахъ, физіономіи, питаться ихъ пищей, пить ихъ напитки, однимъ словомъ, вполнѣ и безусловно отказаться отъ своей національности. Между многими другими парадоксами онъ, между прочимъ, утверждалъ, что необходимо орошать романскіе языки виномъ, а англо-саксонскіе языки—пивомъ, и увѣрялъ, что онъ обязанъ весьма многимъ англійскому портеру и элю,—этимъ, по преимуществу, англійскимъ напиткамъ, которые онъ поглощалъ въ значительномъ количествѣ. Эти напитки, говорилъ онъ, знакомятъ его съ Англіей лучше всякихъ книгъ, даютъ ему ощущенія, возбуждаютъ въ его мозгу идеи совершенно невѣдомыя французамъ и открываютъ ему такіе оттѣнки шекспировскаго текста, которые даже и во снѣ не снились никому другому.

Эту систему Жюль Вабръ примѣнялъ съ такимъ усердіемъ, что въ концѣ концовъ превратился въ совершеннѣйшаго англичанина. Продолжительнымъ и настойчивымъ трудомъ онъ создалъ себѣ, если можно такъ выразиться, англійскую душу, англійскій мозгъ и англійскую внѣшность; онъ думалъ по англійски, читалъ только англійскія книги и никогда не дотрогивался до французскихъ газетъ. Письма изъ Франціи лежали не распечатанными на его столѣ, онъ устранилъ отъ себя все, что могло помѣшать ему въ его изученіи Шекспира и англійской жизни.

Въ такомъ видѣ нашелъ его Теофиль Готье, въ 1843 году, въ Лондонѣ, въ тавернѣ, гдѣ онъ поселился изъ экономіи, чтобы имѣть возможность обѣдать совершенно по-англійски, среди англичанъ, питавшихся ростбифомъ и пивомъ, совершенно незнакомыхъ ни съ какими идеями, однимъ словомъ, такихъ, какими, по всей вѣроятности, были обыкновенные зрители театра «Глобусъ», когда молодой Вильямъ Шекспиръ только начиналъ свое драматическое поприще. «Жюль Вабръ былъ совершенно неузнаваемъ. Его бѣлокурые усы исчезли, его подбородокъ былъ такъ же тщательно выбритъ, какъ и подбородки тѣхъ дурацкихъ буржуа, надъ которыми онъ такъ издѣвался прежде. Метаморфоза была полная: я видѣлъ передъ собой чистокровнаго англичанина. Увидѣвши меня, его сѣрые глаза оживились и онъ далъ мнѣ такой крѣпкій shakehand, что я чуть не вскрикнулъ отъ боли, и тутъ же принялся говорить съ такимъ сильнымъ англійскимъ акцентомъ, что я почти не понималъ его. Онъ почти совершенно забылъ французскій языкъ.—И такъ, мой милый Жюль, сказалъ я ему,—чтобы приступить къ переводу Шекспира тебѣ остается только выучиться по-французски. — Да, да, ты правъ, отвѣчалъ онъ, пораженный справедливостью этого замѣчанія, — объ этомъ я серьезно подумаю... Жюль Вабръ объяснилъ мнѣ съ книгой въ рукѣ цѣлые монологи «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», съ такими удивительными, мѣстными особенностями, съ такою точностью выраженій, съ такой глубиной пониманія, о какихъ я прежде и не мечталъ. Я слышалъ, какъ онъ объяснялъ Карлотѣ Грази, въ виду приготовлявшагося балета, самымъ своеобразнымъ и поэтическимъ образомъ «Бурю» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Если бы эти балеты были дѣйствительно поставлены на сценѣ, то Карлота Грази удивила бы самыхъ тонкихъ знатоковъ своимъ глубокимъ и всестороннимъ пониманіемъ ролей Миранды и Титаніи».

Жюль Вабръ всю жизнь мечталъ о точномъ и окончательномъ переводѣ Шекспира на французскій языкъ, — чего именно не доставало романтической школѣ,—переводѣ, абсолютно вѣрномъ тексту, вѣрномъ не только буквѣ, но и идеѣ, переводѣ, который бы воспроизводилъ форму, движеніе, особенность фразы, такимъ образомъ, чтобъ была понятна смѣсь бѣлаго стиха, рифмованной строчки и прозы, не избѣгая эффемазма, ни грубыхъ, циническихъ выраженій великаго англо-саксонскаго поэта. Эта попытка была сдѣлана впослѣдствіи Франсуа-Викторомъ Гюго, но нельзя сказать, чтобъ она отвѣчала этому идеалу перевода. Гюго, дѣйствительно, далъ точный и вѣрный переводъ Шекспира, онъ такъ приблизился къ духу текста, какъ ни одинъ изъ послѣдующихъ, можетъ быть, переводчиковъ, но сохраняя вѣрность, онъ принужденъ былъ пожертвовать формой, вслѣдствіе чего множество мѣстъ, поражающихъ силой и энергіей въ оригиналѣ, блѣдны въ переводѣ и не производятъ почти никакого впечатлѣнія.

Такимъ образомъ, по отношенію къ переводу Шекспира опытъ доказалъ несостоятельность парадоксальной системы Жюля Вабра. Но, благодаря своему парадоксу о томъ, какъ слѣдуетъ изучать англійскій языкъ, онъ, такъ сказать, угадалъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ впередъ, теорію вліянія среды, получившей въ настоящую минуту право гражданства въ научной критикѣ. Теперь едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что этой теоріей мы обязаны романтизму, благодаря его стремленіямъ къ мѣстному колориту и къ психологической правдѣ.

Послѣ десяти-лѣтняго, по крайней мѣрѣ, пребыванія въ Англіи Жюль Вабръ возвратился въ Парижъ, во-первыхъ, для того, чтобы выучиться снова французскому языку, а во-вторыхъ, чтобы устроить въ столицѣ Франціи нѣчто въ родѣ интернаціональнаго, литературнаго пансіона: онъ намѣревался объяснить англичанамъ «Hernani», а французамъ «Макбета». Онъ возмущался, видя, что англичане изучаютъ французскій языкъ по «Телемаку», а французы англійскій по «Викфильдскому священнику». Его предпріятіе, однакожь, не осуществилось, какъ не осуществился и его переводъ Шекспира, по одной и той же причинѣ: онъ окончательно разучился и по французски, и по англійски.

V.

Молодая партія романтиковъ приготовлялась къ генеральному сраженію. Первое представленіе «Эрнани» было назначено на 25 февраля 1830 года. Молодой поэтъ, предпочитавшій славу и не гонявшійся за успѣхомъ, съ гордостью отказался отъ помощи клакеровъ, которые обыкновенно нанимаются директорами театровъ для поддержки пьесы своими рукоплесканіями. Клакеры и понынѣ составляютъ одну изъ самыхъ непривлекательныхъ сторонъ парижскихъ театровъ. Они обыкновенно набираются какъ попало, съ сосенки да съ бора, а на репетиціяхъ подъ предводительствомъ главнаго агента ихъ учатъ одобрять чувствительные монологи, выдающіяся мѣста, эфектныя сцены. На представленіи, искусно размѣщенные въ залѣ, клакеры дружно хлопаютъ по первому знаку главнаго агента. Этотъ агентъ, получая хорошую плату за свой трудъ, ради выгодъ не всегда обращается къ спеціалистамъ своего дѣла, а прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ, жертвой которыхъ обыкновенно бываютъ наивные иностранцы, не могущіе платить дорогихъ цѣнъ за свои мѣста въ театрѣ. Такой иностранецъ (нѣмецъ, англичанинъ, русскій), находя, что мѣсто, гдѣ-нибудь въ балконѣ, для него слишкомъ дорого, выходитъ изъ кассы, намѣреваясь уже попытать счастья въ другомъ театрѣ, но къ нему подскакиваетъ барышникъ, увѣряетъ его, что онъ получитъ билетъ очень дешево, и ведетъ его безъ церемоніи въ ближайшій café или «commerce de vins»: тамъ ему предлагаются на выборъ мѣста, дѣйствительно, по очень дешевой цѣнѣ и торгъ немедленно заключается. Онъ отправляется въ залу, ему отводятъ отличное мѣсто и онъ садится, впередъ уже наслаждаясь спектаклемъ. Но вотъ подымается занавѣсъ и начинается пьеса. При первомъ чувствительномъ мѣстѣ раздается дружное хлопанье клакеровъ и несчастный иностранецъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что онъ сидитъ среди клакеровъ, предводитель которыхъ съ жаромъ дирижируетъ этимъ своеобразнымъ оркестромъ. При второмъ чувствительномъ мѣстѣ агентъ, замѣчая, что иностранецъ, получившій по очень дешевой цѣнѣ мѣсто въ театрѣ, не исполняетъ своей обязанности и только съ удивленіемъ осматриваетъ клакеровъ, бросаетъ на него грозные взгляды. При третьей сценѣ, требующей поддержки, агентъ ужь не церемонится и кричитъ ему: «Eh bien! qu'est ce que vous faites-là? Allons vite, faites votre dévoir!» Если и при этомъ напоминаніи иностранецъ не соображаетъ еще, въ чемъ дѣло, то при слѣдующемъ чувствительномъ монологѣ къ нему приступаютъ болѣе энергично, ему объясняютъ, что онъ обязался быть клакеромъ на этотъ вечеръ, что онъ долженъ хлопать по знаку агента и что порядочный человѣкъ всегда долженъ исполнять свою обязанность, за которую онъ получилъ, если не деньги, то, по крайней мѣрѣ, дешевое мѣсто. Несчастный туристъ долженъ или подчиниться, или выйдти... Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра; учрежденіе клакерства, какъ оно ни непріятно, имѣетъ свои хорошія слѣдствія. Публика, незнакомая съ пьесой, плохо образованная въ литературномъ и сценическомъ отношеніи, обыкновенно не замѣчаетъ дѣйствительно выдающихся мѣстъ и хлопаетъ невпопадъ, прерывая актера не кстати, по серединѣ монолога, безъ толку, только мѣшая представленію и путая актеровъ. Наученые впередъ, клакеры этого никогда не дѣлаютъ, — они знаютъ, въ какомъ мѣстѣ можно и слѣдуетъ хлопать. Такимъ образомъ, они учатъ публику относиться сознательно къ пьесѣ и замѣчать мѣста, дѣйствительно достойныя вниманія въ какомъ-либо отношеніи.

Не смотря на эти преимущества клакерства, въ особенности для автора, который желаетъ, чтобъ его произведеніе было сразу понято, Викторъ Гюго при постановкѣ «Эрнани» отказался отъ участія клакеровъ, отчасти изъ самолюбія, отчасти изъ одного очень практическаго соображенія. Дѣло въ томъ, что парижскіе клакеры — не просто, такъ сказать, машины для хлопанія; у нихъ есть такъ же свой вкусъ, какъ и у академиковъ. У нихъ, по большей части, вкусы классическіе, рутинно-установившіеся, модой установленные; вотъ почему и въ тридцатыхъ годахъ они были такими же горячими классиками, какъ теперь они—романтики. Они тогда охотно поддерживали Казиміра Делавиня или Скриба, но смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ на Виктора Гюго, который пугалъ ихъ своей сценической смѣлостью и нововведеніями. Таже самая исторія точь-въ-точь повторяется и теперь: въ настоящую минуту они преданы Виктору Гюго и вообще романтикамъ и весьма не долюбливаютъ реалистическихъ попытокъ Зола или Гонкура. Довѣриться поэтому клакерамъ было бы неблагоразумно тогда. Кромѣ этого, клакеровъ можно подкупить, а въ виду восходящей звѣзды романтизма классики весьма могли прибѣгнуть къ подкупу. Въ прошломъ году, послѣ перваго представленія «Bouton de Rose», Эмиль Зола печатно жаловался на интриги своихъ противниковъ и на подкупъ клакеровъ, благодаря которому пьеса провалилась. Мы не знаемъ, на сколько подозрѣнія Зола были справедливы, но что они могли имѣть мѣсто,—въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Тоже явленіе обнаружилось и передъ самымъ представленіемъ «Эрнами». Весь Парижъ гово-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ГОЛЕМБІОВСКАГО.



Къ „Полтавѣ". А. Пушкина.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА М. МУНКАЧИ.

Въ шинкѣ. Рѣзано на деревѣ въ Вѣнѣ.



рилъ о заготовленномъ впередъ заговорѣ съ цѣлью провалить драму Виктора Гюго и, такъ сказать, однимъ ударомъ покончить съ новою школою. Извѣстно, что литературная вражда гораздо сильнѣе даже политической вражды,— литературное соперничество затрогиваетъ самыя чувствительныя струны самолюбія, а торжество противника равносильно объявленію васъ дуракомъ. Вотъ почему въ дѣлѣ литературнаго соперничества нѣтъ такихъ грязныхъ средствъ, къ которымъ бы не прибѣгали самые порядочные люди.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній прибѣгать къ помощи клакеровъ было слишкомъ опасно; но съ другой стороны нельзя же было оставить «Эрнани» на произволъ судьбы скверно расположеннаго къ романтизму и шумнаго партера и ложъ, болѣе покойныхъ по внѣшности, но не менѣе опасныхъ при ихъ вѣжливой враждебности. Вотъ почему молодежь, увлеченная романтизмомъ, рѣшилась поддержать пьесу во что бы то ни было. Въ этомъ смыслѣ и было сдѣлано предложеніе Виктору Гюго, который принялъ его. Конечно, и тутъ можно было опасаться слишкомъ большой страстности и шумной невоздержанности поклонниковъ новой школы, но трусость была изгнана изъ ихъ среды. Молодая армія сгруппировалась въ небольшіе отряды, каждый членъ которыхъ долженъ былъ имѣть красный билетъ. Эти волонтеры романтизма,— вопреки насмѣшкамъ журналовъ и газетъ, не были гуннами Аттилы, расположившимися лагеремъ передъ Comedie française; это были скорѣе рыцари будущаго, поклонники идеала, защитники свободнаго искусства; они были молоды, свободны, полны внутренняго огня. Да, они,— несомнѣнный симптомъ времени, — отростили себѣ волосы, хотя и родились въ парикахъ восемнадцатаго столѣтія; эти волосы красивыми и длинными волнами ложились на ихъ плечи. У нѣкоторыхъ замѣчались тонкіе усики; нѣкоторые носили бороды. Все это было чрезвычайно смѣло и обнаруживало духъ протеста, недопускающій никакихъ компромисовъ.

Эти «разбойники мысли» (выраженіе Филотэ О'Недди; читатели видятъ, что «Московскія Вѣдомости» заимствовали это классическое нынѣ выраженіе въ русской печати изъ исторіи романтизма), — эти «разбойники мысли», говоримъ мы,—конечно, весьма мало были похожи на почтенныхъ парижскихъ нотаріусовъ, но ихъ костюмъ, въ которомъ преобладалъ капризъ индивидуальнаго вкуса и чувство колорита, былъ чрезвычайно живописенъ. Атласъ, бархатъ, бранденбурги, мѣховыя украшенія, разумѣется, стояли черныхъ фраковъ съ рыбьими хвостами, короткихъ шелковыхъ жилетовъ, кисейныхъ галстуковъ и стоячихъ бѣлыхъ воротниковъ, дѣлавшихъ, такъ сказать, глазки золотымъ очкамъ. Даже мягкія войлочныя шляпы съ громадными полями молодыхъ романтиковъ, не имѣвшихъ средствъ пріобрѣсти костюмъ à la Рубенсъ, или à la Веласкецъ,—были безъ всякаго сомнѣнія гораздо красивѣе черныхъ цилиндровъ старыхъ завсегдатаей Comedie française.

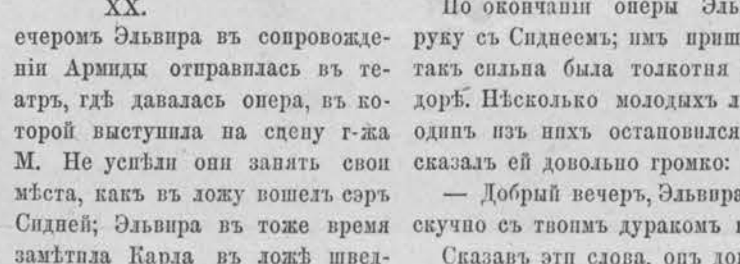
(Продолженіе слѣдуетъ.)

Золото и имя.

(Романъ г-жи Шварцъ.)

(Продолженіе.)

XX.



Вечеромъ Эльвира въ сопровожденіи Армиды отправилась въ театръ, гдѣ давалась опера, въ которой выступила на сцену г-жа М. Не успѣли они занять своп мѣста, какъ въ ложу вошелъ сэръ Сидней; Эльвира въ тоже время замѣтила Карла въ ложѣ шведскаго посланника; онъ весь вечеръ настойчиво направлялъ на нее бинокль съ цѣлью обратить на себя общее вниманіе

— Кастертона нѣтъ сегодня съ вами, сказалъ Сидней Эльвирѣ; — говоря откровенно, я не думалъ, что вы рѣшитесь слушать оперу, напоминающую и вамъ и мнѣ о грустномъ эпизодѣ въ вашей жизни.

— Но позвольте и мнѣ задать вамъ вопросъ, отвѣчала Эльвира:—если эта опера имѣетъ для васъ столько грустныхъ воспоминаній, зачѣмъ вы пріѣхали сюда?

— Только потому, что имѣлъ необходимость переговорить съ вами, миледи.

— Позвольте усомниться въ справедливости вашихъ словъ; всю зиму вы старательно избѣгали встрѣчъ со мною; могу-ли я вѣрить теперь искренности вашихъ словъ.

— Я не намѣренъ разувѣрять васъ; вы поймете меня, когда я откровенно сознаюсь, что хочу просить прощенія за то, что слишкомъ строго осуждалъ ваши поступки. Я ненавижу эту оперу, потому что она напоминаетъ мнѣ о моей несправедливости.

— Какимъ образомъ узнали вы, что слишкомъ строго осудили меня? спросила Эльвира. — Вы не можете вывести заключеніе о своей чрезмѣрной строгости, не узнавъ причины, побудившей меня.

— Вы правы, но какія бы ни были причины, заставившія васъ поступить такъ необдуманно, онѣ далеко не имѣли того свойства, которое я придавалъ имъ. Я дался въ обманъ; узнавъ коротко вашего врага, я понялъ его старанія выставить ваши поступки въ ложномъ видѣ. Я бы желалъ дать вамъ еще совѣтъ...

Но тутъ прервала его Армида, обратясь къ нему съ какимъ-то вопросомъ, и затѣмъ разговоръ принялъ другое направленіе.

Во второмъ дѣйствіи въ ложу внезапно вошелъ лордъ Кастертонъ, лицо его было мрачно.

— Я долженъ поблагодарить тебя, Лембурнъ, сказалъ онъ шутя,—за то, что ты занялъ мое мѣсто, такъ можетъ поступать только истинный другъ. Я съ радостью вижу, что вы не однѣ, продолжалъ онъ, нагибаясь къ Эльвирѣ; — я вполнѣ доволенъ выбраннымъ вами кавалеромъ, онъ не дастъ вамъ соскучиться.

— Боюсь, леди Кастертонъ не согласится съ твоимъ мнѣніемъ, замѣтилъ, улыбаясь, Сидней;— если я нахожусь въ твоей ложѣ, то только потому, что считаюсь твоимъ другомъ.

По окончаніи четвертаго дѣйствія Эдвинъ ушелъ.

— Я принужденъ снова покинуть васъ, Эльвира, сказалъ онъ, прощаясь съ нею;—надѣюсь, Лембурнъ проводитъ васъ до кареты по окончаніи оперы, а то вы, пожалуй, подвергнетесь навязчивости этого Брогрена. Я повѣряю васъ моему лучшему другу.

Послѣднія слова были сказаны съ особеннымъ удареніемъ, не замѣченнымъ Эльвирою, но понятнымъ Сиднею. Послѣ ухода Эдвина онъ сидѣлъ молча, пристально смотря па Марту, помѣстившуюся въ ложѣ напротивъ.

— Кого же вы считаете моимъ врагомъ? спросила Эльвира своего кавалера.

— Сегодня, миледи, я не могу сказать вамъ этого; насъ подслушиваютъ; скажу вамъ только, будьте осторожны...

По окончаніи оперы Эльвира вышла подъ руку съ Сиднеемъ; имъ пришлось остановиться, такъ сильна была толкотня въ нижнемъ коридорѣ. Нѣсколько молодыхъ людей прошли мимо: одинъ изъ нихъ остановился около Эльвиры и сказалъ ей довольно громко:

— Добрый вечеръ, Эльвира! Неужели тебѣ не скучно съ твоимъ дуракомъ провожатымъ?

Сказавъ эти слова, онъ догналъ удалившихся товарищей.

Эльвира покраснѣла, Сидней же проводилъ его взоромъ, ясно доказывавшимъ его намѣреніе отплатить за дерзость.

Лакей вызвалъ карету леди Кастертонъ. Посадивъ Эльвиру, Сидней подалъ руку Армидѣ, но въ туже минуту какой-то господинъ наскочилъ на него съ такой силой, что едва не свалилъ Армиду, поставившую ногу на подножку.

— Будьте внимательнѣе, милостивый государь, сказалъ Сидней, схвативъ за руку неосторожнаго, причемъ получилъ такой сильный ударъ, что шляпа его упала съ головы.

— Я не терплю наставленій отъ безчестнаго человѣка, сдѣлавшагося любовникомъ жены своего лучшаго друга.

— Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, м-ръ Брогренъ, холодно сказалъ Лембурнъ, обращаясь къ зачинщику, послѣ чего помогъ Армидѣ сѣсть въ карету.

Все это случилось такъ внезапно, что почти никто не замѣтилъ случившагося скандала.

XXI.

На другое утро Эдвинъ рано вошелъ къ Эльвирѣ, проведшей очень безпокойную ночь.

— Я только сейчасъ узналъ, что вчера при выходѣ изъ оперы случилось непріятная исторія, сказалъ Эдвинъ;—не можете-ли вы разсказать мнѣ, что тамъ произошло. Правда-ли, что между Лембурномъ и какимъ-то шведомъ была драка?

Дрожащимъ голосомъ разсказала ему Эльвира, что Карлъ едва не опрокинулъ Армиду, Сидней остановилъ его, а Брогренъ сбилъ его шляпу.

— Жаль, что вы были такъ неосторожны, что посовѣтовали г. Брогрену взять мѣсто въ здѣшнемъ посольствѣ; вы рискуете получить непріятность, въ особенности теперь: Лембурнъ не позволитъ оскорблять себя безнаказанно.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите, прервала его смущенная Эльвира. — Я совѣтовала Карлу Брогрену перейдти въ здѣшнее посольство!

— Мои слова ясны и не требуютъ объясненія, гордо сказалъ Эдвинъ. — Впрочемъ, я увѣренъ, что вы сами сожалѣете, что посовѣтовали ему выбрать здѣшнюю столицу для начала дипломатическаго поприща.

— Пріѣхавшій жокей м-ра Лембурна, доложила вошедшая горничная Эльвиры, — проситъ милорда пожаловать къ его тяжело раненому господину.

Эдвинъ тотчасъ же ушелъ.

— Сидней раненъ! прошептала Эльвира, прижимая руки къ груди, едва не задыхаясь отъ волненія.

Часы по уходѣ Эдвина казались ей вѣчностью; она цѣлый день просидѣла у окна, ожидая мужа; ее мучила неизвѣстность. Наконецъ, когда начало смеркаться, она примѣтила статную фигуру Эдвина, приближавшагося тихими шагами. Что-то въ его осанкѣ заставило ее содрогнуться; такъ не могъ идти радостный вѣстникъ. Онъ подошелъ къ воротамъ; Эльвира, выскочивъ изъ двери, пробѣжала живо весь этажъ, остановясь въ залѣ, въ которую входилъ Эдвинъ. Подбѣжавъ къ нему, она обѣими руками схватила его руку.

— Ради Бога, Эдвинъ, скажи, что съ нимъ? спросила она; на лицѣ ея выражался страхъ.

— Сидней Лембурнъ скончался, мрачнымъ голосомъ отвѣчалъ Эдвинъ.

Эльвира молча уставила взоръ на мужа, чрезъ нѣсколько минутъ руки ея опустились и она безъ чувствъ упала къ его ногамъ.

— Какихъ еще искать доказательствъ ея любви къ нему! прошепталъ Эдвинъ.

XXII.

Въ Тимасіо уже два мѣсяца жили очень уединенно лордъ Кастертонъ и его жена. Теперь Эдвинъ дружески обращался съ Эльвирою, правда, онъ

былъ мрачнѣе и скрытнѣе, но суровость его обращенія смягчилась. Эльвира, поблѣднѣвшая до прозрачности, походила на тѣнь; кроткое, смиренное выраженіе глазъ и серьезная черта около губъ придавали ей грустный видъ. Она старалась угадывать желанія Эдвина, удалять все, что могло раздражить его, но, не смотря на всю ея предупредительность, между ними не совершалось сближенія. Если, напримѣръ, проведя цѣлый день наединѣ и разговаривая объ интересныхъ предметахъ они какъ будто сближались, то на другой день безъ всякой видимой причины между ними снова устанавливалась холодность; Эдвинъ смотрѣлъ мрачнѣе, Эльвира дѣлалась еще грустнѣе; пріятно проведенное время было забыто; они смотрѣли другъ на друга съ обоюдною недовѣрчивостью.

Время проходило, наступили послѣдніе дни іюня. Разъ утромъ Эдвинъ предложилъ Эльвирѣ прогулку верхомъ; она, какъ всегда, тотчасъ согласилась.

— Назначьте сами, куда намъ сегодня отправиться, сказалъ Эдвинъ, садясь на лошадь.

— Мнѣ, право, все равно, отвѣчала Эльвира.

— Развѣ вы не имѣете здѣсь любимыхъ мѣстъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Вся окрестность здѣсь кажется мнѣ настолько красивой, что мнѣ трудно дать предпочтеніе какому-нибудь мѣсту.

— Неужели нѣтъ ни одного мѣста, возбуждающаго въ васъ пріятныя воспоминанія.

— Ни одного. Мои дѣтскія воспоминанія очень грустны. Здѣсь развились во мнѣ тщеславіе и честолюбіе.

— Здѣшнія мѣста напоминаютъ вамъ объ ошибкѣ, сдѣланной при выборѣ мужа. Конечно, вы много вынесли, но всякому несчастью можно помочь, Эльвира; надо только не сожалѣть о потерянномъ, о томъ, что не можетъ вернуться. Безропотность — добродѣтель пассивная, но много геройства заключается въ стараніи, преодолѣвъ несчастіе, устроить себѣ счастливую жизнь.

— Да, но какъ пріобрѣсти эту способность, сказала Эльвира, — какъ внушить себѣ мужество, надежду, когда они покинули насъ.

Повернувъ голову, Эдвинъ мрачно посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Если надежда покидаетъ насъ, остается одно: смерть.

— Въ томъ-то и горе, что смерть иногда долго заставляетъ ждать себя, сказала Эльвира, горько улыбаясь.

— Вы правы, она выбираетъ жертвы тамъ, гдѣ надо щадить, и оставляетъ въ живыхъ людей, жаждущихъ ея.

— Мнѣ кажется иногда, что смерть лучшій исходъ для всѣхъ, сказала Эльвира. — Жизнь трудная задача, рѣдко кому удается разрѣшить ее удовлетворительно. То, что называется счастьемъ, почти никогда не удовлетворяетъ вполнѣ; если даже судьба исполнитъ всѣ наши желанія, наступитъ день, въ который мы съ раскаяніемъ думаемъ о томъ времени, когда были ослѣплены фальшивыми обѣщаніями, принесшими вмѣсто благословенія и радости одни непріятности и горе.

— Конечно, отвѣчалъ Эдвинъ, — но за однимъ исполненнымъ желаніемъ слѣдуетъ другое, такъ что, собственно говоря, вся наша жизнь ничто иное, какъ охота за тѣмъ, чего мы не имѣемъ.

— И до чего никогда не достигнемъ. Однако намъ остается еще рѣшить, куда намъ направиться; аллея кончается, дороги идутъ направо, налѣво и прямо; надо выбрать одну изъ нихъ.

— Даже цѣлыхъ четыре, если вздумаемъ вернуться, сказалъ Эдвинъ.

— Вы, можетъ быть, желаете выбрать послѣднюю, чтобы скорѣй прекратить прогулку.

— Ошибаетесь, мой лозунгъ: впередъ!

Эльвира слегка ударила лошадь хлыстомъ и поскакала прямо.

— На этотъ разъ вы выбрали дорогу, которую я хотѣлъ предложить вамъ, сказалъ Эдвинъ, догоняя ее.

— Право, не трудно было отгадать ваше желаніе.

— Вы трудились отгадывать? Не смѣя льстить себя этой надеждой, я думалъ, что вы повиновались склонности сердца, сказалъ онъ, сбивая хлыстомъ листья съ деревьевъ.

Эльвира молчала.

— Не желаете-ли вы посѣтить со мною Альтропъ? Мнѣ сказали, что это имѣніе продается и я намѣренъ купить его, если слухъ справедливъ.

— Вы, Эдвинъ?

— Это имѣніе очень кстати присоединить къ Тимасіо. Что вы думаете объ этомъ Эльвира?

— Альтропъ — очень красивое мѣсто, холодно отвѣчала она.

— Но должны же вы чувствовать хоть маленькое расположеніе къ этому мѣсту.

— Почему такъ?

— Я не могу и не хочу отвѣчать на этотъ вопросъ, сказалъ Эдвинъ.

Эльвира грустно смотрѣла на море, виднѣвшееся съ того высокаго мѣста, гдѣ они находились; невольно вспомнила она о горькомъ времени, прожитомъ передъ отъѣздомъ изъ Альтропа, о Мартѣ, Карлѣ и убитомъ другѣ.

— Согласны вы ѣхать со мной? спросилъ Эдвинъ, — я желаю осмотрѣть это имѣніе.

Эльвира содрогнулась при мысли о возможности встрѣтиться съ Карломъ.

— Не сердитесь, но, право, я не желаю ѣхать туда.

Эдвинъ повернулъ лошадь назадъ, не говоря ни слова, Эльвира также молчала, замѣтя неудовольствіе на лицѣ мужа. Молча доѣхавъ до перекрестка, лордъ повернулъ къ замку.

Послѣ обѣда Эдвинъ уѣхалъ. Эльвира смотрѣла въ слѣдъ его экипажа, сидя на балконѣ съ м-съ Бровъ и Армидою.

— Право, лошади милорда скоро сами собой найдутъ дорогу въ Скокгофъ, замѣтила Армида, — такъ часто приходится имъ пробѣгать ее.

Эльвира молчала, м-съ Бровъ, отложивъ работу, посмотрѣла на молодую женщину.

— Вотъ тебѣ письмо отъ пасторши Брогренъ, продолжала Армида, — она бѣдная очень скучаетъ, здоровье Карла до сихъ поръ безпокоитъ ее. Извѣстно-ли тебѣ, что онъ два дня тому назадъ пріѣхалъ въ Альтропъ.

Эльвира молча прочитала письмо.

— Пасторша, какъ ты видишь изъ письма, продолжала Армида, — желаетъ продать Альтропъ.

— Не знаешь ли ты, сколько пасторша желаетъ получить за имѣніе, спросила Эльвира, вставая.

— Не знаю. Мнѣ извѣстно только, что полковникъ предлагалъ лорду купить его.

— Вотъ какъ! сказала только Эльвира, удаляясь.

М-съ Бровъ и Армида остались однѣ, чего обѣ въ послѣднее время старательно избѣгали. Армида стала складывать работу, намѣреваясь удалиться.

— Я принуждена попросить васъ, миссъ Армида, удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ; давно уже собиралась я переговорить съ вами.

— Не понимаю, о чемъ вамъ угодно переговорить со мной, сказала Армида. — Извините меня, но, откровенно говоря, между мною, пріятельницею леди, и вами, шпіономъ лорда, ничего не можетъ быть общаго.

— Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе въ томъ отношеніи, что вамъ не о чемъ сообщать мнѣ; но мнѣ необходимо кое-что передать вамъ. Вы назвали себя пріятельницею леди, не такъ-ли?

— Дѣйствительно, я пріятельница леди.

Армида съ увѣренностью посмотрѣла на англичанку, вполнѣ расчитывая на прочность занятаго ею мѣста.

— Мы имѣли съ вами разговоръ наединѣ, если не ошибаюсь, два года тому назадъ; тогда еще я предупреждала васъ, зная, какая вы опасная пріятельница. Не послушавъ моего предостереженія, вы разсыпались въ увѣреніяхъ дружбы передъ леди и вамъ удалось сдѣлаться необходимою. Она вѣритъ вамъ, не можетъ даже вообразить себѣ, что вы не способны на искреннюю дружбу.

— Прошу васъ, м-съ Бровъ, взвѣшивайте ваши слова! воскликнула Армида, — не думайте пожалуйста запугать меня фразами. Вашъ планъ слишкомъ ясенъ; вы желаете выставить меня въ фальшивомъ свѣтѣ, возбудить сомнѣніе въ моемъ характерѣ и этимъ способомъ выгнать меня; къ сожалѣнію, вы забываете о занимаемой вами должности, которая не позволитъ миледи имѣть къ вамъ довѣріе. Сверхъ того, живя два года вмѣстѣ, она убѣдилась, въ какой мѣрѣ я привязана къ ней, такъ что вамъ никогда не удастся возбудить въ ней сомнѣніе относительно меня.

— Вы правы, миссъ Армида, вы очень многимъ доказывали эту привязанность, сказала м-съ Бровъ, язвительно улыбаясь. — Мнѣ эти доказательства хорошо извѣстны; цѣлыхъ два года собирала я ихъ, прежде чѣмъ рѣшилась переговорить съ вами. Если бы я обратилась къ миледи, сказавъ ей: «остерегайтесь миссъ Армиду», она вообразила бы, что я дѣйствую по порученію лорда, съ цѣлью удалить отъ нея единственное существо, привязанное къ ней. Вотъ причина моего долгаго молчанія. Теперь, миссъ, я въ состояніи доказать вашу честную игру; вамъ слѣдовало бы осторожнѣе вести свою переписку. Узнаете вы это?

М-съ Бровъ показала сильно поблѣднѣвшей Армидѣ письмо и когда та сдѣлала жестъ, показывавшій, что хочетъ овладѣть письмомъ, англичанка спокойно положила его въ карманъ.

— Этимъ письмомъ я держу васъ въ рукахъ; вамъ остается только подчиниться моей волѣ.

— М-съ Бровъ, вы поступили безчестно. Вы украли письмо! воскликнула Армида.

— Можетъ быть; мнѣ довольно того, что оно въ моихъ рукахъ. Однако время проходитъ, мнѣ некогда. Я требую, чтобы вы уѣхали отсюда черезъ двадцать четыре часа, если не желаете лишиться пенсіи, назначенной вамъ леди; въ противномъ случаѣ я передамъ письмо лорду, который, вѣроятно, запретитъ супругѣ помогать вамъ... До свиданія.

И м-съ Бровъ вышла изъ комнаты. Армида, бросившись на диванъ, пробормотала, закусивъ губы:

— Нужно же было этому случиться именно теперь, когда дѣло шло уже на ладъ, сказала Армида, оставшись одна. — Удалиться отсюда, когда онъ только что пріѣхалъ!

Прижавъ сложенныя руки ко лбу, она быстро вскочила съ намѣреніемъ покинуть балконъ, но остановилась, услыхавъ голосъ горничной Эльвиры, приказывавшей заложить дрожки. Черезъ четверть часа Эльвира поѣхала по направленію къ Альтропу.

— Надо отомстить теперь, иначе никогда не удастся, прошептала Армида.

Она ушла въ паркъ и вскорѣ встрѣтила Эдвина. Увидавъ ее, онъ приказалъ кучеру остановиться.

— Куда поѣхала Эльвира? живо спросилъ онъ.

— Въ Альтропъ, отвѣчала она, съ трудомъ скрывая радость.

Эдвинъ приказалъ ѣхать туда же.

«На этотъ разъ судьба за меня, думала Армида, смотря ему вслѣдъ; завтра я съ удовольствіемъ покину Тимасіо, м-съ Бровъ».

КАРТИНА Л. КНАУСА.

Золотая свадьба.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ въ С.-Петербургѣ.

Экипажъ Эдвина быстро понесся по направленію къ Альтропу. Проѣхавъ нѣсколько времени, Эдвинъ приказалъ кучеру вернуться домой, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Войдя въ ворота и повернувъ на право, онъ тихо пошелъ, останавливаясь два раза, какъ бы раздумывая, не вернуться-ли. На лбу его виднѣлось облако грусти, губы были болѣзненно сжаты. Войдя въ садъ, онъ остановился, осматриваясь, на другой сторонѣ берега обрисовывались двѣ фигуры, на половину скрытыя деревьями. Это были мужчина и женщина. Послѣдняя, казалось, плакала, закрывъ лицо руками. Разстояніе было такъ велико, что при наступающихъ сумеркахъ лицъ невозможно было различить. Эдвинъ пристально всматривался, какъ бы боясь ошибиться, потомъ тихо пошелъ по песчаной тропинкѣ около моря. Дойдя до другого берега, онъ остановился, услыхавъ голоса, говорившіе по шведски; не смотря на малое пониманіе этого языка, Эдвинъ сталъ подслушивать, надѣясь понять хоть что-нибудь.

XXIII.

Эдвинъ возвратился въ Тимасіо ночью; всѣ спали, огонь свѣтился только въ кабинетѣ Эльвиры.

«Не пойдти-ли мнѣ сказать ей, что я все видѣлъ и слышалъ. Но къ чему всѣ эти сцены! Одно мученье для нея, я же ничего не выиграю. Какъ терпѣливо переносила она свою судьбу; да и какое право имѣю осуждать ее я, такъ часто унижавшій и оскорблявшій ее, изъ гордости не старавшійся даже сблизиться съ нею!»

Поднявшись на лѣстницу, лордъ взялъ свѣчку изъ рукъ встрѣтившаго его камердинера, сказавъ, что не нуждается въ его помощи, и пошелъ въ залу. Подойдя къ окну, онъ испуганно остановился, замѣтивъ приближавшуюся женскую фигуру.

— Лордъ Кастертонъ, сказала Эльвира, почти беззвучнымъ голосомъ,—я не могла успокоиться сегодня, не переговоривъ съ вами. Я должна сдѣлать вамъ горькое, болѣзненное признаніе.

— Къ чему послужитъ ваше признаніе; мнѣ все извѣстно!

— Нѣтъ, милордъ, я сознаюсь, что была виновата передъ вами, но то, что я узнала сегодня, совершенно уничтожаетъ меня. О, если бы я знала какое-нибудь средство избавить...

— Позвольте мнѣ прервать васъ, Эльвира, громко сказалъ Эдвинъ.—Вы поймете меня, когда я скажу вамъ, что подслушалъ разговоръ между мужчиной и женщиной, сидѣвшихъ въ альтропскомъ саду, на берегу моря!

Онъ повернулся и быстро пошелъ къ дверямъ своей комнаты.

— Эдвинъ! воскликнула Эльвира, протягивая къ нему сложенныя руки, — мало жизни, чтобы заплатить за вашу доброту.

Пристально посмотрѣвъ на нее, Эдвинъ вернулся, поцѣловалъ ее въ лобъ и, схвативъ ея сложенныя руки, прошепталъ:

— Бѣдное дитя, дастъ Богъ скоро настанетъ твое счастье. Теперь прощайте, Эльвира!

Сказавъ эти слова, онъ удалился.

— Благодарю тебя, Господи, теперь только я осмѣливаюсь надѣяться! сказала Эльвира.

Утромъ слѣдующаго дня туманъ покрывалъ землю; шелъ мелкій сплошной дождь, придававшій Тимасіо меланхолическій видъ. Звонокъ Эльвиры раздался позднѣе обыкновеннаго, молодая женщина такъ крѣпко заснула, что проспала на два часа болѣе обыкновеннаго. Открывъ глаза, она нѣсколько минутъ обдумывала, во снѣ или на яву произошла сцена между нею и ея мужемъ. Слова, сказанныя Эдвиномъ, снова прозвучали въ ея ушахъ: «Бѣдное дитя, скоро настанетъ твое счастье!»

Горничная вошла, держа письмо, которое передала Эльвирѣ, сказавъ:

— Отъ лорда! Мнѣ приказано передать его, какъ только миледи проснется.

Эльвира взяла письмо дрожащею рукою; сильный страхъ овладѣлъ ею; ей казалось, что письмо это причинитъ ей сильную боль. «Къ чему это сомнѣніе? думала она.—Мое воображеніе видитъ несчастье въ пустякахъ. Онъ, вѣроятно, рѣшился письменно объясниться о сдѣланномъ открытіи, желая избавить меня отъ страданія».

«Эльвира! писалъ Эдвинъ,—самые опасные враги наши—высокомѣріе, честолюбіе и эгоизмъ; эти пороки играли главную роль въ нашей жизни, сдѣлавъ васъ моей женой, меня—строгимъ судьей вашихъ ошибокъ. Теперь, когда власть ихъ прекратилась надо мною, я сознаю, что игралъ роль недостойную. Рѣшаюсь сдѣлать сознаніе для очищенія совѣсти, не ожидая даже, что оно заинтересуетъ васъ... Чтобы яснѣе обрисовать все это, я принужденъ вернуться къ прошлому. Положеніе мое, какъ наслѣдника знатнаго имени безъ состоянія, было самое непріятное и ненатуральное. Съ самаго дѣтства мнѣ старались внушить уваженіе къ первому, забывая объяснить, что знатное имя безъ богатства нуль. Я никогда не воображалъ, что англійскій лордъ можетъ имѣть недостатокъ въ деньгахъ, а полагалъ, что золото неразлучно съ именемъ. Дѣтство и юношество я провелъ въ роскоши, деньги выдавались мнѣ безъ ограниченія, такъ что я могъ беззаботно предаваться своей склонности къ научнымъ изслѣдованіямъ. Сынъ лорда Кастертона могъ заняться наукою для собственнаго удовольствія. Смерть отца сразу измѣнила мое положеніе, принудивъ заняться дѣлами, въ которыхъ я ничего не смыслилъ. Я увидѣлъ, что дѣла мои далеко не блестящи. Я могъ поправить свое положеніе, но для этого я долженъ былъ подчиниться теткѣ моей, маркизѣ Бризье, чего я никакъ не могъ допустить. Ея увѣренія, будто моя мать была причиною раззоренія отца, до того раздражали меня, что я поссорился съ нею. Послѣ разрыва съ теткой я рѣшилъ самъ пробить себѣ дорогу, считая это легкимъ; скоро однако я былъ принужденъ сознаться, что простому рабочему легче трудомъ достичь независимости, чѣмъ человѣку съ знатнымъ именемъ... Но маркиза еще разъ рѣшилась протянуть мнѣ руку помощи: я долженъ былъ жениться, а она—выкупить мои заложенныя имѣнія. Не могу выразить мою злость, когда я убѣдился, что не могу не принять ея предложенія. Сознавая эту необходимость, я рѣшился, такъ какъ главнымъ условіемъ ея было жениться не на француженкѣ, все-таки взять иностранку, а не англичанку... Я обратился къ брачному маклеру, чтобы избавиться отъ обязанности разыгрывать роль влюбленнаго жениха и униженія ложью достигнуть имущества, которое иначе не досталось бы мнѣ. Выбравъ жену при содѣйствіи г-жи д'Орбо, я надѣялся сойдтись съ дѣвушкою, не ожидающей любви, такъ что думалъ поступить справедливо. Мнѣ сказали, что вы изъ честолюбія желаете получить знатное имя... Ну, подумалъ я, рѣшаясь посмотрѣть васъ,—она выйдетъ за меня изъ высокомѣрія, я женюсь изъ нужды. Вы были шведка, слѣдовательно подходили какъ къ моему, такъ и къ тетушкиному требованію. Ваше прекрасное лице произведетъ хорошее впечатлѣніе на всякаго, это случилось и со мною, мнѣ даже стало досадно, что эти пріятныя, кроткія черты, эти выразительные глаза, вообще вся привлекательная наружность досталась дѣвушкѣ, рѣшавшейся выйдти замужъ изъ честолюбія. Я понималъ, что могъ полюбить васъ, и сердился за свою слабость, воображая, что вы лишены всѣхъ нѣжныхъ чувствъ. Обвѣнчавшись, мы пріѣхали въ Гартонкуртъ. Тамъ снова возбудилось во мнѣ высокомѣріе, оскорбленное маркизою, она выказала вамъ дружбу и я, скрывая настоящія чувства, сталъ обращаться съ вами холодно вѣжливо. Было-бы унизительно, думалъ я,—показать маркизѣ, что я по ея требованію женился на женщинѣ, которую уже начиналъ любить... Я видѣлъ, какъ вы были счастливы первые дни, какъ терпѣливо переносили потомъ колкости моихъ родственниковъ. Но я такъ былъ возбужденъ противъ васъ, что скорѣе рѣшился бы пустить пулю себѣ въ лобъ, чѣмъ сознаться, что я, Эдвинъ Кастертонъ, любилъ женщину, вышедшую за меня безъ любви... Съ тѣхъ поръ отношенія мои къ вамъ стали ненормальными, что и осталось до настоящей минуты. Я сердился на всѣхъ, принимавшихъ хотя косвенное участіе въ моей женитьбѣ, такъ что даже дружба моя къ Сиднею, какъ повѣренному маркизы, охладѣла. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Гартонкурта онъ увѣрялъ меня, что сердце ваше принадлежитъ мнѣ. Впечатлѣніе, произведенное во мнѣ его словами, ясно доказало мнѣ, что, окажись онъ правъ, я былъ бы счастливѣйшимъ смертнымъ; сознаніе это еще болѣе раздражало меня. Сидней сознался мнѣ также въ любви его къ вамъ, я скрылъ ревность подъ маскою полнаго равнодушія; радуясь въ душѣ при мысли о томъ, что одинъ буду обладать вами въ Кастертонѣ, объ удаленіи Лембурна. Но настало утро, Эльвира, въ которое вы пожелали переговорить со мною. Вы, вѣроятно, не забыли этого разговора? Не буду разбирать его; вы поймете, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня, теперь, когда знаете, что гордость всегда играла значительную роль въ моемъ характерѣ. Ваше желаніе жить въ разлукѣ со мною оскорбило не только мое чувство собственнаго достоинства, но и сердце, такъ что я устыдился своей нѣжности къ вамъ, презирая слабость любви къ женщинѣ, дѣйствующей съ полнымъ непониманіемъ принятыхъ на себя обязанностей. Твердо рѣшивъ забыть васъ, я предался честолюбію, сродному каждому англичанину. Но ни усиленная работа, ни политическіе интересы не могли изгнать вашего образа; раздраженный до нельзя я старался увѣрить себя, что я чувствую къ вамъ одно только презрѣніе. Въ это время я встрѣтился съ Мартою Стангенскіольдъ; меня ослѣпила ея красота, меня она заинтересовала и я сталъ питать надежду, что перестану думать о васъ; въ женихѣ ея я узналъ человѣка, осмѣлившагося въ день нашей свадьбы, когда вы стояли у окна, смотрѣть на васъ слишкомъ нахально. Послѣ короткаго знакомства Марта сообщила мнѣ, что между вами и этимъ молодымъ человѣкомъ существовали нѣжныя отношенія, прервавшіяся потому, что онъ влюбился въ нее. Возненавидѣвъ его за вашу любовь къ нему, я рѣшился отбить у него расположеніе Марты. Всѣ безумныя письма мои къ ней, мои неблагородные поступки были слѣдствіями моей ревности и оскорбленнаго высокомѣрія. Я хотѣлъ показать вамъ, какую силу пріобрѣла Марта надо мною и потому старался открыто ухаживать за нею. Неожиданно посѣтивъ Тимасіо, я встрѣтился тамъ съ Сиднеемъ, что очень непріятно подѣйствовало на меня, и безъ того ревнующаго васъ ко всѣмъ; при этомъ мнѣ попался отрывокъ письма Карла къ вамъ и я узналъ о вашей встрѣчѣ съ нимъ въ домикѣ вашей няни; затѣмъ я своими глазами видѣлъ, какъ вы разстались съ нимъ послѣ свиданія въ паркѣ. Бѣшенная ревность не позволила мнѣ достойно оцѣнить ваше поведеніе во время болѣзни тетки. Вы не забыли послѣдняго разговора въ Тимасіо. Вашъ тайный отъѣздъ подлилъ масло на огонь, горѣвшій въ моей груди. Поддаваясь страстному желанію имѣть васъ около себя, я едва не сдѣлалъ глупости, хорошо еще что во время остановился. Ваше письмо, Эльвира, внушило мнѣ надежду. Только бы найдти ее, думалъ я,—и я признаюсь, какъ сильно люблю ее; дружба, на

которую она надѣялась, окажется дѣйствительностью. Она можетъ полюбить меня, если хотѣла сойдтись со мною и рѣшилась покинуть меня, оскорбленная моею мнимою невѣрностью... Мнѣ не удалось увидѣть васъ до отъѣзда изъ Швеціи. Напрасно проискавъ васъ, я вернулся въ Англію съ твердымъ намѣреніемъ побороть свою страсть. Углубясь въ политику, я старался убѣдить себя, что интересы страны составляютъ для меня все, я сдѣлался знаменитымъ ораторомъ, но безъ душевнаго спокойствія, не имѣя силъ отдѣлаться отъ вашего образа. Услыхавъ ваше имя, я, не смотря на спѣшныя дѣла, бросился въ Парижъ, но вы успѣли скрыться. Я гонялся за вами всюду, но нигдѣ не настигалъ васъ; наконецъ, вы пріѣхали въ Англію. Однажды вечеромъ, при посѣщеніи итальянской оперы, м-съ Бровъ, слѣдившая за вами тайно, прошептала мнѣ на ухо, войдя въ мою ложу: — «Леди Кастертонъ намѣревается выступить сегодня на сцену вмѣсто г-жи М.» Эльвира, вы никогда не поймете впечатлѣнія этихъ словъ на меня, Кастертона, лорда Англіи. Объясняя вашъ поступокъ желаніемъ принудить меня къ разводу, вы увеличили вину въ моихъ глазахъ; я подумалъ, что вы рѣшаетесь на этотъ шагъ только изъ любви къ другому... Жена, рѣшившаяся изъ страсти опозорить того, чье имя носила, не можетъ быть названа нравственною женщиною, она теряетъ всякое право на уваженіе. Привыкнувъ сдерживать данное слово, я не могъ измѣнить клятвѣ, что пока я живъ, вы не будете принадлежать другому. Не буду говорить о слѣдующихъ мѣсяцахъ, прожитыхъ нами вмѣстѣ. Въ одно время я любилъ васъ до безумія и страшно ненавидѣлъ; я терпѣлъ адскія муки. Ваша тихая покорность, пассивное равнодушіе, глубокая грусть, подавленное горе, все это раздражало меня и поддерживало во мнѣ злобу. Съ одной стороны мнѣ нашептывали, что вы желали разойдтись со мною изъ любви къ Сиднею, съ другой, что вы все еще привязаны къ предмету вашей первой любви. Я зналъ, что Сидней любитъ васъ, видѣлъ, какъ Брогренъ преслѣдовалъ васъ своею навязчивостью. Лембурнъ избѣгалъ васъ, но я замѣчалъ, какъ вы волновались при встрѣчѣ съ нимъ, такъ что не зналъ кого подозрѣвать. Что я вытерпѣлъ въ это время! Я такъ сильно любилъ васъ, что находили минуты, въ которыя я былъ готовъ убить васъ и себя, только бы избавиться отъ этихъ мукъ! Дуэль между Лембурномъ и Брогреномъ дала новое направленіе моимъ чувствамъ. Я опоздалъ къ умирающему другу, желавшему что-то сообщить мнѣ; когда я пришелъ, онъ уже потерялъ сознаніе и умеръ на моихъ рукахъ, не прійдя въ себя. Извѣстіе о его смерти едва не убило васъ, грусть ваша могла служить доказательствомъ вашей любви къ нему. Оскорбленный съ начала до конца, я не могъ сдѣлать перваго шага. Однакожь я смягчилъ свое обращеніе, но напрасно; если бы вы хотя нѣсколько любили меня, вы не могли бы постоянно выказывать унылую, рабскую покорность, раздражавшую меня. Вчера, получивъ письмо изъ Скогкофа, я въ первый разъ съ самаго пріѣзда, отправился туда. Возвращаясь домой, я увидалъ вашъ экипажъ, ѣдущій по дорогѣ въ Альтропъ Передъ обѣдомъ я предлагалъ вамъ проѣхаться туда, съ цѣлью узнать, извѣстно-ли вамъ пребываніе Карла Брогрена у матери. Вашъ отказъ, доказывающій, что вы не желали встрѣтиться съ убійцей Сиднея и что вы имѣли свѣдѣнія о его пріѣздѣ, пробудилъ снова мое подозрѣніе. Я поѣхалъ за вами и, подслушавъ вашъ разговоръ, вернулся безъ злости и горечи. Вамъ открыли тайну, которая могла послужить поводомъ къ нашему разводу. Вы ожидали меня, когда я вернулся ночью, желая во всемъ сознаться, я же хотѣлъ избавить васъ отъ униженія, рѣшивъ, что пора прекратить ваши страданія. Вотъ причина моего удаленія отсюда. Одна смерть можетъ разорвать нашъ бракъ, я поклялся въ этомъ, но за то отправляюсь туда, гдѣ легко найдти смерть. Мое послѣднее желаніе не встрѣчаться съ вами въ этой жизни.

Эдвинъ Кастертонъ».

Эльвира схватилась обѣими руками за голову.

— Брежу я, вижу сонъ или все это дѣйствительность! прошептала она.

Выбѣжавъ изъ комнаты въ кабинетъ, она встрѣтила м-съ Бровъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, миледи, сказала она.—Лордъ Кастертонъ, уѣзжая, оставилъ мнѣ письмо съ отказомъ отъ мѣста.

— Развѣ лордъ уже уѣхалъ? спросила Эльвира.

— Да, съ восходомъ солнца. Крайне нужное дѣло принудило его отправиться въ Англію.

— Отецъ Небесный, помоги мнѣ!

— Богъ помогаетъ только людямъ, способнымъ помогать себѣ, сказала англичанка, затворяя дверь на ключъ, чтобы никто не могъ подслушать. Что передала м-съ Бровъ Эльвирѣ мы не знаемъ.

Черезъ часъ м-съ Бровъ вышла изъ кабинета и столкнулась въ залѣ съ Армидою.

— Леди Кастертонъ купается, ее нельзя видѣть, вамъ прійдется подождать до обѣда, миссъ Армида.

Не удостоивая англичанку отвѣтомъ, Армида хотѣла уйдти, бросивъ письмо на столъ.

— Когда вы уѣзжаете миссъ? спросила м-съ Бровъ.

— Сама еще не знаю, отвѣчала Армида, со злобою.—Вы сдѣлали ошибку, не воспользовавшись письмомъ вчера. Знай только лордъ его содержаніе, онъ не отправился бы въ Англію.

— Ахъ, миссъ, я не опоздала, вѣдь я встрѣчусь съ нимъ въ Лондонѣ, сказала м-съ Бровъ.

— Нѣтъ, опоздали немного, письмо у меня, сказала Армида, вынимая его изъ кармана.— Сомнѣваюсь, чтобы вамъ удалось теперь выгнать меня отсюда. Право, жаль что вы лишаетесь торжества!

— Я желаю одного въ настоящую минуту, отвѣчала улыбаясь англичанка,—чтобы вы оставались здѣсь, какъ можно долѣе.

— Очень обязана, отвѣчала Армида, съ поклономъ удаляясь изъ комнаты.

Наружность м-съ Бровъ была невозмутимо спокойна. Подойдя къ столу, она взяла письмо, брошенное Армидой, походившее на пригласительный билетъ и адресованное на имя леди Кастертонъ. Она прочла:

«Карлъ-Фредерикъ Стангенскіольдъ имѣетъ честь возвѣстить о помолвкѣ дочери своей Марты Стангенскіольдъ съ капитаномъ и кавалеромъ Арвидомъ Штромъ... Скогкофъ 28-го іюня 1854 года».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ.

(Ст. Г. Глинскаго.)



Описывать жизнь человѣка, имя котораго связано со многими явленіями нашей общественой жизни, котораго одни восхваляютъ не въ мѣру, а другіе отзываются съ крайней осторожностью, какъ бы избѣгая откровенно высказать свое мнѣніе, чтобы имѣть возможность въ случаѣ необходимости дать своему отзыву такое толкованіе, какое въ данный моментъ будетъ выгодно,— описывать жизнь такого человѣка представляетъ очень трудную задачу. Къ тому же, условія нашей жизни еще таковы, что многаго откровенно и высказать нельзя. Какое ни давайте названіе причинамъ умолчанія, назовете-ли ихъ условіями даннаго времени, условіями приличія, необходимыми условіями, безъ которыхъ стали бы появляться въ стройной, гармонической жизни общества фальшивыя ноты, назовете-ли ихъ духомъ времени, или просто охарактеризуете фразами: «неловко», «какъ-то неудобно», «ну, стоитъ-ли?»— нельзя не согласиться, что причины эти существуютъ, какъ нѣчто вполнѣ реальное, почти осязаемое. Такимъ образомъ въ силу этихъ условій многое приходится обходить молчаніемъ. Но кромѣ этого главнаго препятствія есть еще другое, безъ сомнѣнія менѣе важное, но болѣе щекотливое. Во всѣхъ біографіяхъ современниковъ вы всегда замѣтите, что есть какія-то недосказанныя слова; послѣ каждой оцѣнки произведенія или дѣйствія описываемаго лица, если біографъ не могъ расточить похвалъ передъ своимъ героемъ, онъ непремѣннымъ долгомъ считаетъ поставить завѣтное: «но тѣмъ не менѣе», а затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ нѣсколько общихъ фразъ, изъ которыхъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, что описываемое лицо или событіе точь въ точь похоже на описываемыхъ вчера, третьяго дня и десять лѣтъ тому назадъ. Вотъ почему въ началѣ настоящаго очерка я счелъ необходимымъ оговориться.

Владиміръ Даниловичъ родился въ г. Рѣчицѣ минской губерніи 16 января 1829 года. Онъ воспитывался въ минской гимназіи и, по окончаніи курса, поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ. Въ 1851 году, Спасовичъ представилъ диссертацію на степень магистра международнаго права подъ заглавіемъ: «Права нейтральнаго и товарнаго флага». Послѣ блестящей защиты этой диссертаціи факультетъ удостоилъ его степени магистра. Въ 1857 году г. Спасовичъ былъ назначенъ доцентомъ по кафедрѣ уголовнаго права. Съ первой своей лекціи молодой профессоръ съумѣлъ завладѣть умами и сердцами своихъ слушателей. Съ этого времени ежегодно число его учениковъ возрастало. Аудиторія, въ которой онъ читалъ свои лекціи, всегда была биткомъ набита. Не блестящія ораторскія способности, не желаніе блеснуть своими познаніями передъ многочисленною аудиторіей были тому причиною: Владиміръ Даниловичъ единственно только глубокимъ знаніемъ своего предмета, умѣніемъ опредѣлять самыя сложныя понятія самыми простыми, всѣмъ доступными словами и крайней убѣдительностью и логичностью выводовъ приковывалъ къ себѣ своихъ слушателей. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, которые, ставъ на высотѣ западно-европейской науки, прокладывали дорогу новымъ понятіямъ, основаннымъ на болѣе правильномъ пониманіи человѣка, какъ личности, индивида, на его отношеніи къ государству и на значеніи государства въ границахъ уголовнаго права. Молодой профессоръ не довольствовался разъ составленною лекціею; онъ дополнялъ ее, обработывалъ, старался придавать ей все болѣе и болѣе совершенную форму, заботясь главнымъ образомъ о внутреннемъ ея содержаніи, обогащая новыми выводами науки. Онъ внимательно слѣдилъ за движеніемъ науки на западѣ и съ каждымъ годомъ лекціи его становились богаче содержаніемъ. Въ этомъ главнымъ образомъ лежала та магическая сила, которой такъ легко поддается молодежь, которая способна возбудить во многихъ изъ студентовъ искреннюю любовь къ наукѣ, увеличивая число дѣйствительно образованныхъ граждан, ищущихъ въ наукѣ не только однѣхъ матеріяльныхъ благъ.

Въ концѣ 1861 года Спасовичъ, по обстоятельствамъ подробно имъ же изложеннымъ въ статьѣ: «Пятидесятилѣтіе петербургскаго уни-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ДУНИНА.

Безъ крова.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ РОСТВОРОСКАГО.

Тони по дорогѣ къ Лахтѣ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.



верситета», помѣщенной въ книгѣ подъ заглавіемъ «За много лѣтъ» (1872), по собственному желанію оставилъ университетъ и былъ перемѣщенъ въ училище правовѣдѣнія на каѳедру уголовнаго права.

Профессорскіе труды Владиміра Даниловича, принимая во вниманіе большое число его учениковъ, принесли свои плоды, установивъ болѣе здравое пониманіе вопросовъ уголовнаго права. Спасовичъ собралъ свои лекціи въ одно цѣлое и издалъ ихъ въ 1863 году подъ заглавіемъ «Учебникъ уголовнаго права» (Спб. I, 178 — II, 428). Книга эта имѣла большой успѣхъ и въ настоящее время составляетъ почти библіографическую рѣдкость.

Когда въ 1865 году послѣдовала судебная реформа, Спасовичъ зачислился въ ряды адвокатовъ и сразу завоевалъ себѣ на этомъ поприщѣ громкую извѣстность и сдѣлался самымъ популярнымъ изъ адвокатовъ. Во время своей четырнадцатилѣтней адвокатской дѣятельности Спасовичъ пользовался, пользуется и теперь, репутацію умнаго и дѣльнаго юриста. Бывали, конечно, и за нимъ грѣхи, но эти рѣдкія исключенія въ полезной дѣятельности Спасовича мы лучше обойдемъ молчаніемъ. Защитительныя рѣчи Владиміра Даниловича не отличаются эфектностью, онъ не подбираетъ эфектныхъ выраженій, изысканныхъ словъ, онъ просто на просто разсказываетъ фактъ, взвѣшиваетъ дѣйствія своего кліента, приводитъ неоспоримые доводы въ его пользу и заканчиваетъ свою рѣчь словами: «По всѣмъ даннымъ моего кліента слѣдуетъ освободить, какъ человѣка не причастнаго преступленію. Я убѣжденъ, что вы его оправдаете, гг. судьи». Если же послѣ тщательнаго обзора всѣхъ обстоятельствъ, дѣйствій и причинъ, вовлекшихъ подсудимаго на путь порока и доведшихъ его до преступленія, нельзя сказать объ немъ, что онъ не виновенъ, Спасовичъ опять таки просто приводитъ доказательства въ пользу меньшей виновности подсудимаго и не проситъ объ его помилованіи, а только говоритъ, что по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла слѣдуетъ считать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. Въ рѣчахъ Спасовича нѣтъ восклицательныхъ знаковъ, нѣтъ многоточій, нѣтъ недоказанныхъ, разсчитанныхъ на эфектъ словъ и выраженій. Опираясь на законъ съ одной стороны, съ другой же разсматривая обстоятельно всѣ дѣйствія подсудимаго, Спасовичъ приходитъ путемъ логическихъ выводовъ къ заключенію о виновности или не виновности своего кліента, заканчивая свою рѣчь простыми словами: «я убѣжденъ, что подсудимый не виновенъ, или заслуживаетъ снисхожденія». Огромное количество дѣлъ, въ которыхъ Владиміръ Даниловичъ принималъ участіе, служитъ лучшимъ мѣриломъ его адвокатской дѣятельности. Его по нѣсколько разъ приглашали для юридическихъ консультацій и внѣ столицы. Онъ работалъ не въ одномъ Петербургѣ; онъ являлся защитникомъ въ Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ.

Это фактическая сторона біографіи, обратимся теперь къ литературной дѣятельности Спасовича. Какъ литераторъ, Владиміръ Даниловичъ занялъ положеніе, которое многимъ, по необъяснимымъ, впрочемъ, причинамъ, не нравится или, вѣрнѣе, многіе не умѣютъ объяснить себѣ той роли, которую играетъ онъ, принимая участіе и въ польской и въ русской литературахъ. Эта кажущаяся двойственность (такъ какъ многимъ кажется, что на двухъ родственныхъ языкахъ непремѣнно слѣдуетъ писать противорѣчащія себѣ взаимно сочиненія) объясняется очень просто. Спасовичъ родился въ такомъ городѣ, гдѣ среди интелигенціи преобладалъ польскій элементъ; польскій языкъ, польскія книги были ему доступны съ дѣтства. Онъ читалъ много; во время пребыванія въ университетѣ онъ изучалъ и русскую и польскую литературу и исторію. Спасовичъ, какъ образованный человѣкъ и ученый, не могъ замкнуть глазъ на окружающее его; интересуясь всѣмъ, что происходило на западѣ, онъ интересовался и пробужденіемъ польской литературы въ первой четверти нашего столѣтія; изучая исторію Европы, онъ не могъ не изучать прошлаго польскаго народа; знакомясь съ литературами всѣхъ европейскихъ народовъ, онъ тѣмъ естественнѣе долженъ былъ познакомиться съ литературою тѣхъ, среди которыхъ выросъ.

По полученіи степени магистра международнаго права, Спасовичъ занялся изученіемъ польской исторіи. Онъ перевелъ съ латинскаго на польскій языкъ сочиненіе Яна Рудавскаго, подъ заглавіемъ «Исторія Польши со времени смерти Владислава IV до Оливскаго мира, 1648—1660 г.» *). Латинскій оригиналъ этого сочиненія (изданіе Митцлера) былъ доступенъ только малому кругу ученыхъ. Вскорѣ послѣ этого Спасовичъ перевелъ съ латинской рукописи, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ и до сихъ поръ неизданной на польскій языкъ, исторію Святослава Ожельскаго: «Междуцарствіе, восьмикнижіе, или исторія Польши со времени смерти Сигизмунда-Августа» **). Обѣ книги изданы М. О. Вольфомъ въ С.-Петербургѣ въ «Собраніи отечественныхъ лѣтописцевъ». Послѣдній переводъ Спасовича составляетъ цѣнный вкладъ въ польскую литературу. Къ обѣимъ книгамъ Спасовичъ написалъ объясненія и біографіи ихъ авторовъ. Затѣмъ Спасовичъ перешелъ къ изученію польскаго права и написалъ диссертацію (Спб. 1857) для полученія правъ доцента, подъ заглавіемъ «Объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнему польскому праву». Онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Volumina legum» (Собраніе законовъ), издаваемымъ въ это время въ С.-Петербургѣ Іосафатомъ Огрызко.

Наконецъ къ этому же разряду трудовъ Владиміра Даниловича слѣдуетъ отнести и переводъ на польскій языкъ «Энциклопедіи права», Аренса. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ подъ его редакціей и изданъ въ С.-Петербургѣ въ 1861 г. Къ этому же времени относятся журнальныя критическія и полемическія статьи, помѣщаемыя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и ученые трактаты въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», а въ послѣднее время въ «Вѣстникѣ Европы».

Въ 1864 году Спасовичъ написалъ краткій «Очеркъ исторіи польской литературы», который былъ изданъ вмѣстѣ съ «Обзоромъ славянскихъ литературъ», профессора Пыпина, какъ дополненіе этого послѣдняго сочиненія. Оба автора удостоились Уваровской преміи за свои труды. Очеркъ этотъ напечатанъ вторично въ сборникѣ статей, отрывковъ, историческихъ эскизовъ, судебныхъ рѣчей и т. п., изданныхъ В. Д. Спасовичемъ въ 1872 году подъ общимъ заглавіемъ «За много лѣтъ 1859—1871». Исторія польской литературы, не смотря на ея небольшіе размѣры (она занимаетъ всего около 140 страницъ крупной печати), отличается прекраснымъ изложеніемъ. Авторъ, ставъ на объективной почвѣ, относится къ произведеніямъ польскихъ писателей съ подобающимъ историку безпристрастіемъ. Это не компиляція чужихъ мнѣній, а трезвое и справедливое сужденіе о произведеніяхъ людей, которыхъ прошлое извѣстно автору, языкъ которыхъ не чуждъ ему, а большинство сочиненій перечитано и передумано имъ самимъ. Пока очеркъ этотъ единственный въ русской литературѣ.

*) Historja Polska od smierci Wladislawa IV az do pokoju oliwskiego, szyli dzieje panowanie Jana Kazmirza od rokn 1648—1660, przez Jana W. Rudawskiego. Спб. и Могилевъ Т. I, II, 1855.

**) Bezkrolewie, kseng osmiovo, csyli dzieje Polski od zgonu Sygmunta Augusta, skrzeslone przez Swientostawa z Bozzejowic Orzelckiego. 1858.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Варшавѣ возникла мысль изданія ежемѣсячнаго журнала и пришлась по душѣ В. Д. Спасовичу. Онъ взялъ на себя изданіе возникшаго тогда ежемѣсячнаго журнала «Ateneum», который онъ издаетъ до сихъ поръ на свои средства. Въ первыхъ нумерахъ «Ateneum» (1875 г.) былъ помѣщенъ литературный этюдъ Спасовича о Владиславѣ Сырокомлѣ (Людвикъ Кондратовичъ). Мы не намѣрены оцѣнивать этотъ трудъ, скажемъ только, что онъ принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ. Съ этого времени очень часто юридическія и литературныя статьи В. Д. Спасовича появлялись на страницахъ издаваемаго имъ журнала. Годъ тому назадъ В. Д. Спасовичъ ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ онъ читалъ публичную лекцію объ одномъ изъ польскихъ поэтовъ и его дѣятельности—о Викентіѣ Полѣ. Лекція эта напечатана въ «Ateneum» за прошлый годъ. И здѣсь Спасовичъ не измѣнилъ разъ предначертанному направленію: онъ безъ обиняковъ, безъ сладкихъ словъ просто и откровенно выразилъ свое мнѣніе объ одномъ изъ любимыхъ польскихъ поэтовъ. Въ критикѣ возникла буря: большинство возстало противъ В. Д. Спасовича, меньшинство рукоплескало ему. Но нѣсколько времени спустя, когда лекція о Полѣ явилась въ печати, когда пораздумали да разсудили, волей неволей пришлось стать на сторону Владиміра Даниловича. Викентій Поль принадлежитъ къ старымъ бардамъ, лира которыхъ умѣетъ пѣть только о прошломъ, не находя въ немъ ничего, кромѣ хорошаго. Спасовичъ, оцѣнивая дѣятельность и значеніе Поля, выразилъ мнѣніе, подкрѣпленное многими примѣрами, что хотя польскій поэтъ отличается большимъ талантомъ, знаніемъ народнаго характера и старины, но идеализація этой старины доведена въ его произведеніяхъ до крайности, въ нихъ разукрашены даже скверныя стороны, пороки и слабости народные. Правда всегда непріятна—такъ случилось и на этотъ разъ. Но буря утихла, а лекція Спасовича осталась однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ Владиміръ Даниловичъ ѣздилъ въ Краковъ на юбилей Крашевскаго. Онъ возилъ Крашевскому адресъ отъ поляковъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ. Подробности юбилея извѣстны, а потому здѣсь незачѣмъ повторять ихъ. Приведемъ только рѣчь В. Д. Спасовича, произнесенную имъ на обѣдѣ, данномъ по подпискѣ чествующими Крашевскаго гостями. Рѣчь эта лучше всякихъ описаній представляетъ дѣятельность, стремленія, надежды и, если можно такъ выразиться, идеалы В. Д. Спасовича. Вотъ она:

«Въ одинъ торжественный моментъ, точно въ каплю, стеклось полвѣка упорнаго труда одного великаго гражданина, скажу больше: полвѣка трудной жизни цѣлаго народа. Можетъ быть, я бы и не посмѣлъ говорить въ эту торжественную минуту, я—единица среди тысячъ другихъ, если бы меня не заставили случай и стеченіе обстоятельствъ явиться передатчикомъ пріязненныхъ и, смѣю сказать, искреннихъ чувствъ отсутствующихъ людей. Моими устами ветеранъ русской литературы, ученикъ Пушкина, Иванъ Тургеневъ провозглашаетъ тостъ за здоровье славнаго ветерана польской литературы, сподвижника Мицкевича. «Я увѣренъ, пишетъ Тургеневъ,—что въ моемъ лицѣ громадное большинство интелигентной Россіи привѣтствуетъ и протягиваетъ руку Крашевскому». Каковы-бы ни были старанія заключить сегодняшнее торжество въ тѣсныя рамки народной исключительности, это намѣреніе неосуществимо, исключительность устранена, стальной обручъ лопнулъ, прорываются другія стихіи, къ пѣсни польской присовокупляются иные звуки, правда тихіе, но яв-

ственные, звуки славянскіе. Съ сильнымъ біеніемъ сердца прислушивался я вчера къ событію, небывалому со временъ, можетъ быть, Ягеллоновъ,—какъ неслись публично, гласно изъ Суконницъ на краковскій рынокъ, рѣчи на языкѣ апостола Польши св. Войтеха, произносились гостями, заѣзжими изъ чешской Праги и Ольмюца; эти господа явились сами лично и сѣли за нашъ общій столъ, другимъ единоплеменникамъ временныя обстоятельства внушили иной образъ дѣйствія, они не явились сами лично, но желаютъ, чтобы и ихъ также на этомъ пиру помянули. Отвѣтъ на это требованіе даютъ намъ наши народныя поэтическія преданія. Вспомните, господа, какъ нѣкогда, средь петербургской непогоды, стояли, обнявшись подъ однимъ плащемъ, два юные поэта передъ колосомъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пушкинъ вспоминалъ съ чувствомъ еще въ 1834 г. о предсказаніяхъ Мицкевича, касающихся временъ, «когда народы распри позабывъ, въ великую семью соединятся. И Мицкевичъ намъ развилъ ту же самую мысль, опредѣливъ даже родъ и способъ международнаго общенія. Онъ изображалъ это общеніе въ видѣ двухъ скалъ альпійскихъ изъ одного же гранита, которыя клонятъ, одна къ другой, свои заоблачныя вершины, хотя они внизу на вѣки раздѣлены струею воды и едва слышатъ шумъ этой своей разлучницы. И такъ, да клонятся одна къ другой эти заоблачныя вершины, но да памятуютъ онѣ, что ихъ раздѣлила на вѣки струя воды; да памятуютъ, что легче живется въ семьѣ, что удобнѣе быть нѣсколькимъ, нежели одному, и что, по словамъ чешскаго патріота, произнесеннымъ въ 1867 году въ Москвѣ, гораздо краше и полнѣе музыка десяти колоколовъ, звучащихъ единовременно съ одной и той же башни, нежели то, если бы всѣ колокола были сплавлены въ одинъ колоколъ, громадный, правда, но всегда одинокій. Я думаю, что не подвергнусь упреку въ излишнемъ мечтательствѣ, если выражу простое желаніе, не опредѣляя вовсе времени его осуществленія: завтра, либо черезъ десять, либо черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Желаніе ставить цѣли подобаетъ всякому, осуществленіе только зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми не всегда можно располагать. Я бы желалъ, чтобъ на будущемъ подобномъ умственномъ пиру, если бы онъ случился у какого-либо изъ крупныхъ славянскихъ народовъ, сѣли бы за одинъ столъ и преломили бы хлѣбъ представители всѣхъ славянскихъ націй».

Эти слова не нуждаются въ коментаріяхъ.

Къ рисункамъ.

Золотая свадьба. Эта картина принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ картинъ знаменитаго жанриста Кнауса. Всѣ фигуры этой картины, начиная съ танцующихъ «юбиляровъ» и кончая внучатами, играющими роль «музыкантовъ», исполнены замѣчательно удачно, полны добродушнаго юмора, который является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ всякаго «жанриста».

Въ шинкѣ. Талантъ Мункачи извѣстенъ нашимъ читателямъ: невеселые образы, грустныя сцены, мрачный колоритъ, все это является почти въ каждой картинѣ Мункачи. Настоящая его картина является въ этомъ случаѣ не исключеніемъ: передъ вами на ней является шинокъ безъ всякихъ прикрасъ, съ испитыми физіономіями, съ падшими женщинами, со всей неприглядной обстановкой, замѣчательна на этой картинѣ передача венгерскихъ типовъ.

Безъ крова. Вчера еще эти люди были, можетъ быть, и счастливы, и сыты, а сегодня—сегодня они остались на улицѣ, безъ пріюта, безъ крова. Врагъ-ли выгналъ ихъ изъ теплаго гнѣзда, пожаръ-ли уничтожилъ это уютное гнѣздо—какъ знать! Ясно только, что ихъ, полунагихъ, сидящихъ на улицѣ безъ пріюта, ждетъ въ будущемъ невеселая участь. Вотъ содержаніе оригинальнаго рисунка г. Дупина.

Въ лѣсу. Картина Бейшлага принадлежитъ къ числу тѣхъ идилій любви, которыя приходятъ съ весною и не повторяются дважды въ жизни. Двое любящихъ молодыхъ людей сошлись въ лѣсу на свиданіе; здѣсь произошло ихъ первое объясненіе въ любви, этотъ день кажется имъ счастливѣйшимъ днемъ ихъ жизни и они считаютъ нужнымъ увѣковѣчить его, вырѣзавъ свои имена на деревѣ. Кто знаетъ, какой горькой насмѣшкой можетъ сдѣлаться черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ памятникъ ихъ любви!

Мѣдный всадникъ. Конечно, каждому изъ нашихъ читателей извѣстно содержаніе «Мѣднаго всадника». Кто не заучивалъ наизусть въ дѣтствѣ стиховъ изъ этого великаго произведенія? Вслѣдствіе этого намъ нечего объяснять содержаніе помѣщенной въ нынѣшнемъ нумерѣ картины, передающей тотъ моментъ, когда сошедшему съума бѣдняку кажется, что за нимъ несется гигантъ на бронзовомъ конѣ. По непредвидѣннымъ Редакціею обстоятельствамъ ей пришлось замѣнить одинъ попортившійся рисунокъ другимъ и потому подпись подъ нимъ перепутана: вмѣсто «Мѣдный всадникъ» написано «Къ Полтавѣ».

По той же причинѣ въ прошломъ нумерѣ остался безъ подписи и объясненія рисунокъ, изображающій провинціальный французскій клиръ. Названіе этого рисунка—«На клиросѣ».

Смѣсь.

— Землетрясеніемъ въ разныхъ мѣстахъ южной Венгріи разрушено множество строеній. Явленіе это происходило 31 октября и 1 ноября; 24-же сентября на о-вѣ Исландіи тоже было землетрясеніе въ такой мѣстности, гдѣ никто не подозрѣвалъ о существованіи вулкана.

— Холера въ Японіи свирѣпствуетъ съ такой ужасной силой, что къ 15-му августу нынѣшняго года умерло отъ этой болѣзни 40,000 человѣкъ, а къ концу сентября насчитываютъ уже до 400,000 жертвъ. Распространеніе эпидеміи приписываютъ тому обстоятельству, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ для какихъ-то религіозныхъ обрядовъ были отрыты гробы солдатъ умершихъ отъ холеры въ 1877 году.

— Истоки р. Нигера. Парижская газета «République Française» отъ 16-го ноября сообщаетъ: «Полученная 12-го ноября въ Марсели телеграма изъ Сіерры-Леоне извѣщаетъ, что гг. Цвейфель и Мутье, представители марсельскаго дома Верминкъ, открыли въ сентябрѣ истоки рѣки Нигера. Благодаря средствамъ, даннымъ г. Верминкомъ, гг. Цвейфель и Мутье отправились изъ Сіеры-Леоне, поднялись вверхъ по теченію Рокеле и проникли до подножія горъ Конгъ. Въ этомъ мѣстѣ начались страшныя трудности. Они преодолѣли ихъ счастливо и мужественно; воинственные народы, отталкивавшіе до сихъ поръ бѣлыхъ отъ своихъ горъ, на этотъ разъ позволили двумъ французскимъ изслѣдователямъ перейдти черезъ цѣпь и дойдти до трехъ источниковъ, изъ которыхъ вытекаютъ рѣчки, сливающіяся нѣсколько далѣе и образующія великій водный путь Западнаго Судана».

— Раскопки въ Олимпіи. Въ берлинскихъ газетахъ сообщаютъ, что раскопки въ Олимпіи повели къ новымъ открытіямъ. Найдены были голова колѣнопреклоненнаго дитяти съ восточнаго фронтона храма Юпитера олимпійскаго, голова Тита, дополняющая статую этого императора, найденную прежде, и статуя Фортуны.

— Уменьшеніе скорости вращенія земного шара. Одинъ французскій ученый опубликовалъ недавно въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», что земной шаръ вращается теперь гораздо медленнѣе, чѣмъ 2,000 лѣтъ тому назадъ. Онъ вычислилъ, что уменьшеніе скорости при каждомъ кругообращеніи равняется $^1/_{15}$ части секунды и проявляется притомъ равномѣрно. Соотвѣтственно этому, земной шаръ долженъ пріостановиться въ своемъ движеніи чрезъ 1,600,000,000 лѣтъ.

— Самая большая скорость поѣздовъ теперь между Парижемъ и Марселью. Поѣзда эти (trains d'éclair) проходятъ въ 13 часовъ пространство въ 862 километра, т. е. 70 километровъ въ часъ. Прежде переѣздъ этотъ совершался въ 15 часовъ 30 минутъ.

— Вѣрное вычисленіе. — Послушай, Маейръ, отчего ты вчера такъ плакалъ въ синагогѣ?

— Какже было не плакать, раввинъ меня ужасно расчувствовалъ; помнишь, какъ трогательно говорилъ онъ: «Изъ земли вышелъ и въ землю обратишься!»

— Такъ чтожь изъ этого? Вѣдь ты не изъ золота, чтобъ потерять сто процентовъ при такомъ превращеніи, ты изъ земли и, стало быть, цѣнность твоя нисколько отъ этого не пострадаетъ.

— Новая Мехика. Въ одномъ американскомъ журналѣ мы находимъ интересныя свѣдѣнія о той части Сѣв. Мехики, въ которой встрѣчаются индѣйцы древней націи астековъ. Эти индѣйцы, численностью около 7,000 человѣкъ, живутъ въ 14 селеніяхъ. Нрава они мирнаго и гостепріимнаго, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поселились древнія испанскія семьи. Самый большой интересъ для туриста представляетъ селеніе Таосъ, въ которомъ почти всѣ жители живутъ въ двухъ огромныхъ каменныхъ строеніяхъ пирамидальной формы и каждое въ 5 этажей, постепенно съуживающихся къ верху. Строенія эти заключаютъ въ себѣ множество комнатъ; къ каждому этажу ведутъ лѣстницы, приставленныя снаружи къ отверстіямъ, продѣланнымъ въ потолкахъ. Оконъ въ этихъ оригинальныхъ покояхъ нѣтъ, свѣтъ проникаетъ черезъ отверстія въ родѣ печныхъ трубъ, которыми пронизаны стѣны, раздѣляющія комнаты одну отъ другой. Въ каждомъ изъ этихъ домовъ помѣщается до 400 человѣкъ. Индѣйцы Новой Мехики обращаются привѣтливо съ иностранцами, но ни одному туристу не удалось еще проникнуть въ святилище, устроенное въ самомъ центрѣ строенія, гдѣ горитъ неугасаемый огонь Мантезумы и совершаются древніе обряды религіи астековъ. Каждое селеніе управляется начальникомъ, избираемымъ на годъ. Климатъ и мѣстность восхитительные. Индѣйцы Новой Мехики считаются американскими гражданами; но, не желая платить податей, они отказываются принимать участіе въ выборахъ и не несутъ никакой государственной службы. Здѣсь нерѣдко попадаются развалины памятниковъ весьма глубокой древности. Памятники эти, находящіеся преимущественно на плоскогорьѣ Колорадо и въ сѣверо восточной части Аризаны, состоятъ изъ красноватыхъ каменьевъ, покрытыхъ грубо награвированными изображеніями разныхъ животныхъ, какъ, напр. бизоновъ, змѣй, крысъ; попадается также нерѣдко натянутый лукъ между этими изображеніями. Къ сожалѣнію, въ странѣ не сохранилось никакихъ преданій, которыми можно было бы объяснить значеніе и происхожденіе этихъ изваяній.

— Заоблачная желѣзная дорога. Буквально заоблачную дорогу представляетъ строющаяся въ Южной Америкѣ черезъ Перуанскіе Кордильеры желѣзная дорога, самый высокій пунктъ, который значительно превосходитъ высоту Монъ-Блана. Съ проведеніемъ этой дороги будутъ соединены необозримыя равнины Амазонки и ея притоковъ съ прибрежьемъ Тихаго океана. Часть этой замѣчательной желѣзной дороги отъ моря до озера Титикаха на разстояніи 172 километровъ уже окончена и по ней скоро откроется движеніе. Эта часть дороги ведетъ мимо Альтодель-Круцеро по хребту западныхъ Кордильеровъ на высотѣ болѣе 14,500 фут. Сооруженіе ея потребовало издержекъ въ 161 милл. франк., что привело перуанскіе финансы въ довольно затруднительное положеніе.

— Воспламененіе мучной пыли. Нѣсколько времени тому назадъ произошелъ ужасный взрывъ на обширнѣйшей въ свѣтѣ мельницѣ, находя-

щейся на берегу рѣки Ніагары. Причина взрыва принадлежитъ къ числу не совсѣмъ обыкновенныхъ; ученый американскій геологъ, мистеръ Лоренцъ Смитъ, относитъ ее къ воспламененію мучной пыли отъ высокой температуры, которую распространяетъ быстро вертящійся жерновъ. Смитъ сообщилъ свое заключеніе въ парижскую академію наукъ, гдѣ оно не встрѣтило опроверженія. Нѣсколько случаевъ такого же рода замѣчено было во Франціи; причину ихъ видятъ также въ свойствѣ воспламеняемости, которымъ мельчайшая мучная пыль обладаетъ почти въ одинаковой степени съ порохомъ. Столь же легко воспламеняется и угольная пыль, чѣмъ объясняются частые взрывы въ угольныхъ копяхъ.

— **Лодка изъ бумаги.** Въ Америкѣ входитъ въ употребленіе новое примѣненіе бумаги. Бумага шла уже на шляпы, воротники и т. д.; теперь изъ нея дѣлають лодки. Въ такой лодкѣ совершена была недавно однимъ эксцентричнымъ американцемъ, мистеромъ Бишопъ, поѣздка изъ Квебека въ Мехиканскій заливъ (2,500 миль). Лодка вѣсила не болѣе 29 килограмовъ и выдержала испытаніе блестящимъ образомъ. Оказывается, что въ легкости, быстротѣ хода, сопротивленіи сырости и въ борьбѣ съ теченіемъ, лодка эта не имѣетъ равныхъ себѣ. Изобрѣтеніе ея есть дѣло случая и принадлежитъ молодому человѣку, который, работая надъ бумажной массой, случайно задался мыслью употребить бумагу какъ матеріялъ для постройки лодокъ. Мысль эта послѣ долгаго труда приведена имъ въ исполненіе. Въ настоящее время онъ владѣетъ единственной въ свѣтѣ фабрикой. Лодка «Марія-Тереза», заказанная для мистера Бишопа и испытанная имъ, имѣетъ пять метровъ въ длину; весла ея деревянныя и отличаются замѣчательною легкостью.

— **Оригинальное пари.** Какой-то маленькій чиновникъ одного изъ мадьярскихъ министерствъ держалъ пари съ своимъ сотоварищемъ, что какую-бы онъ чепуху ни вписалъ въ дѣловыя бумаги, она пройдетъ черезъ всѣ отдѣленія незамѣченною. Нѣсколько дней спустя, нѣкій поставщикъ, по имени Даніилъ Груберъ, представилъ въ министерство свои счеты съ просьбою уплатить ему слѣдуемыя деньги. Вмѣсто Даніила Грубера, бившійся объ закладъ чиновникъ вписалъ въ протоколъ: «Daniel in der Löwengrube», т. е. «Даніилъ во львиной пещерѣ» и бумага пошла странствовать по всѣмъ отдѣленіямъ, ее регистровали, занесли въ протоколъ и она дошла до секретаря, который скрѣпилъ ее своею подписью и передалъ кассиру для уплаты. На слѣдующій день Даніилъ Груберъ явился за полученіемъ денегъ; кассиръ, прочитавъ отношеніе, отказался отъ выдачи, такъ какъ на немъ стояло: «Даніилъ въ львиной пещерѣ». Кассиръ вернулъ бумагу обратно и только тогда всѣ замѣтили промахъ. Чиновникъ выигралъ свое пари.

— **Птица локсія.** Въ Индіи очень распространена принадлежащая къ семейству воробьевъ птица локсія, которая, подобно дрессированной собакѣ, выучивается носить поноску, являться на зовъ своего хозяина, садиться ему на руку и т. п. Ее употребляютъ также и въ качествѣ почтальона, обучая переносить письма изъ одного дома въ другой. Инстинктъ локсіи еще болѣе удивителенъ, чѣмъ ея понятливость. Она дѣлаетъ себѣ изъ травинокъ довольно красивое бутылкообразное гнѣздо и для того, чтобы защитить птенцовъ своихъ отъ хищныхъ птицъ, устраиваетъ входъ въ него снизу. Гнѣздо свое, раздѣленное на нѣсколько отдѣльныхъ камеръ, умная локсія ночью освѣщаетъ свѣтлякомъ, котораго она для этой цѣли ловитъ живьемъ и прикрѣпляетъ внутри гнѣзда къ стѣнѣ посредствомъ глины.

— **Замѣчательные часы.** Въ одномъ изъ городовъ штата Мичигана находятся часы, не уступающіе сложностью своего механизма знаменитымъ страсбургскимъ городскимъ часамъ. Механизмъ этихъ часовъ заключенъ въ ящикъ орѣховаго дерева, тщательно отполированный, украшенный изящной рѣзной работой и имѣющій 6 метровъ вышины. Надъ часами возвышается статуя Вашингтона, украшенная сверху изображеніемъ Свободы, которое поддерживается четырьмя колоннами; колоны эти состоятъ изъ величественныхъ фигуръ, изображающихъ возрасты жизни: дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ и старость. Большая статуя, служащая символомъ времени, и нѣсколько ангеловъ съ горящими факелами дополняютъ общій видъ картины. Самое интересное въ этихъ часахъ это участіе, которое принимаетъ каждая изъ символическихъ фигуръ для приведенія механизма въ надлежащее дѣйствіе. Ребенокъ выбиваетъ четверти, ударяя одинъ разъ молоткомъ по колоколу; юноша производитъ два удара, возвѣщая, такимъ образомъ, половины, зрѣлый мужъ тремя ударами возвѣщаетъ о 3-хъ четвертяхъ; старая женщина бьетъ часы. Одновременно съ боемъ часовъ статуя Времени широко раскрываетъ свои двери, изъ которыхъ выходятъ старинные президенты американской республики, низко преклоняясь передъ Вашингтономъ; послѣдній отвѣчаетъ на ихъ поклонъ и въ это же время раздается съ часовъ національный музыкальный американскій гимнъ. Точность механизма въ показаніи времени замѣчательная. На главномъ циферблатѣ показано время для данной мѣстности, другіе меньшіе циферблаты показываютъ соотвѣтственное данному часу время всѣхъ главныхъ городовъ на свѣтѣ. Кромѣ времени тутъ же указаны дни, числа, движеніе луны, вращеніе планетъ и проч. и все это съ замѣчательной точностью.

— **Школа кулинарнаго искуства,** основанная шесть лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ на средства нѣсколькихъ богатыхъ гражданъ этого города, достигла замѣчательныхъ результатовъ. Персоналъ ея состоитъ изъ начальницы (нынѣ нѣкоей миссъ Клоркъ) и нѣсколькихъ молодыхъ учительницъ, которыя не только руководятъ практическими занятіями ученицъ, но также читаютъ лекціи. Изъ заведенія выпускается ежегодно около 200 отличнѣйшихъ кухарокъ для аристократическихъ и мѣщанскихъ кухонь; кромѣ того на лекціи допускаются и вольныя слушательницы. Въ нынѣшнемъ году число этихъ послѣднихъ дошло до 2,169. На курсахъ, продолжающихся три мѣсяца каждый, теорія съ практикой идутъ рука объ руку и ученицы учатся не только готовить, но также и разпознавать вкусъ изготовляемыхъ ими блюдъ. Школа обставлена во всѣхъ отношеніяхъ такими удобствами и изготовляемое въ ней кушанье такъ охотно раскупается посѣтителями, что предпріятіе это приноситъ довольно значительную выгоду своимъ учредителямъ.

— **Астрономическіе часы.** Одинъ часовщикъ въ Швейцаріи послалъ недавно на выставку ремесленныхъ издѣлій въ мѣстечко Шо-де-Фонъ вновь изобрѣтенные имъ астрономическіе часы замѣчательно изящной работы. Стрѣлка очень сложнаго механизма ихъ указываетъ часы, минуты, секунды, полусекунды, дни въ связи съ планетами, числа, декады (десятидневія), мѣсяцы съ знаками зодіака, отдѣльно показываетъ число дней въ каждомъ мѣсяцѣ, видоизмѣненія луны, солнечный путь въ связи со всей солнечной системой, часы восхода и захода солнца, четыре времени года съ ихъ равноденствіемъ и солнцестояніемъ. На циферблатѣ часовъ на цифрѣ VI утвержденъ термометръ Реомюра и стоградусный термометръ, въ тоже время часы служатъ барометромъ. Сверхъ всего, часы снабжены еще музыкальнымъ механизмомъ и могутъ воспроизводить до 8-ми различныхъ мелодій.

— **Кофе, какъ барометръ.** Саувожонъ, въ Валенціи, наблюдавшій впродолженіи многихъ лѣтъ явленія, происходящія въ чашкѣ кофе, съ полною увѣренностію выводитъ изъ нихъ слѣдующее заключеніе. Если, говоритъ онъ, опустить кусокъ сахару въ чашку кофе и дать ему распуститься, не мѣшая самого кофе, то, какъ извѣстно, на поверхности его появляются пузырьки воздуха. Если послѣдніе образуютъ пѣнистую массу на серединѣ чашки, то можно съ увѣренностію разсчитывать на продолжительную, прекрасную погоду; если-же, напротивъ того, пѣна располагается кольцеобразно по краямъ сосуда, то навѣрно предстоятъ сильные ливни. Наконецъ, если пѣна размѣстится между краями сосуда и центромъ его,—погода будетъ перемѣнчива. Эти показанія онъ сравнивалъ постоянно съ показаніями барометра и термометра и только послѣ того, какъ оказалось полнѣйшее согласіе между тѣми и другими, онъ рѣшился обнародовать свое открытіе.

— **Реклама.** Одинъ лондонскій сапожникъ напечаталъ слѣдующую рекламу: «Лордъ Пальмерстонъ! Смерть этого великаго государственнаго человѣка приписываютъ простудѣ отъ сырости. Онъ жилъ бы еще и до сихъ поръ, если бы носилъ носки изъ конскихъ волосъ, которые можно купить у Ронко и у всѣхъ лондонскихъ сапожниковъ».

Шахматный отдѣлъ.

Петербургское общество любителей шахматной игры, откроется при наличности 60 членовъ. Желающіе вступить въ члены общества приглашаются записываться у М. И. Чигорина (Офицерская ул. д. 10, кв. 15, ежедневно отъ 3 до 5 час. дня). Тамъ же можно получить печатный экз. устава. Въ счетъ членскаго взноса (15-ть руб. въ годъ и 5-ть руб. при вступленіи) 10 руб. принимаются имъ же.

Рѣшеніе задачи № 1 (въ № 44)

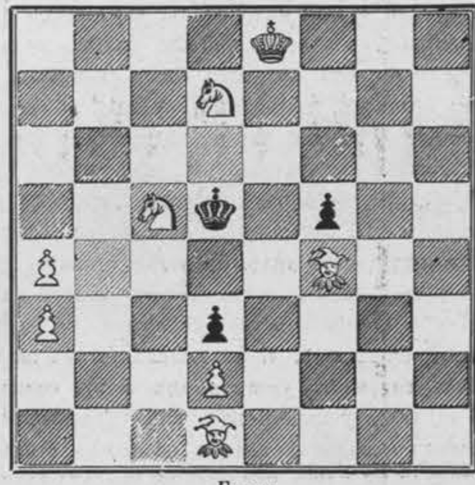
1.	Ф e1—c3 / d4 : c3	2.	d3—d4 X
1.	. . . / Кр f5—e5	2.	Ф c3—c5 X
1.	. . . / e6—e5	2.	Ф c3—c8 X

Правильное рѣшеніе прислалъ К. Сердешневъ.

ЗАДАЧА № 4.

П. Тэйлора (въ Англіи).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Отъ редакціи. Въ прошломъ № помѣщенъ рисунокъ «Видъ на Антивари». Вотъ объясненіе подробностей этого рисунка: *а* — гора Майлика; *б* — г. Менка; *в* — г. Турчинъ; *г* — г. Румія; *д* — г. Мукова; *ж* — гор. Крстацъ; *з* — предмѣстье Подградъ; *і* — пред. Барботъ; *к* — прав. цер. св. Николая; *л* — домъ австр. консула; *м* — бискупія; *н* и *о* — наши батареи; *п* — мѣсто взятой изъ Воловицъ гаубицы; *р* — мѣсто 24 ф. мѣд. и 2 пуд. чуг. пушекъ; *с* — крѣпость Антивари; *т* — г. Спила; *у* — Гретва; *ф* — Велембушъ (Мукова).

ОТЪ КОНТОРЫ. № 46-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 17-го ноября въ 6 часъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 18-го ноября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи въ 1880 году журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: Повѣсть **П. Д. Боборыкина;** «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ **Н. И. Северина;** стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ», **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура;** «Изъ міра русскаго искуства», рядъ статей **Диллетанта;** Пляски и танцы на Руси, историко біологическія очерки **Вл. Михневича;** Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго;** «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова;** рядъ очерковъ изъ американской жизни, **Н. В. Шелгунова;** ст. **И. В. Василевскаго** (Буквы) и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. **Петромъ Соколовымъ.**

ПРЕМІИ: Первая и вторая: Двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго;**—картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. Образцы этихъ двухъ премій уже выставлены въ Главной конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ и вскорѣ будутъ выставлены въ мѣстныхъ конторахъ, поименованныхъ въ этомъ объявленіи; точно такъ же, какъ и образцы **третьей преміи,** которую составляетъ **Большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова,** «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ **четвертой преміей** будетъ выдана **Литературная премія,** съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся всѣмъ гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественныя—не позже марта мѣсяца, а литературная въ ноябрѣ.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки..........................	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой..........................	**7** р.	**4** р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», **шесть** выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получить эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ **60** копѣекъ. Описаніе этихъ выкроекъ можно найти въ объявленіи отъ «Магазина парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», помѣщенномъ въ № 45 «Жив. Об».

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ,** въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ,** въ Южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

1880 ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

52 №№ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** 52 №№

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна: **13** р. безъ доставки, **14** р. **50** к. съ доставкою и **16** р. съ пересылкою.

48 №№ **МОДНЫЙ СВѢТЪ** 48 №№

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ВЪ РОССІИ.

Съ картинами, выкройками и разными другими приложеніями.

ГОДОВАЯ ЦѢНА.

I изд. **4** р.—**5** р. **50** к. съ дост. и **6** съ перес.
II » **5** »—**6** » **50** » » » **7** » »
III » **7** »—**8** » **50** » » » **9** » »

52 №№ **ОГОНЕКЪ** 52 №№

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ИСКУСТВЪ.

СЪ 24 БЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ ВЪ ГОДЪ.

Годовая цѣна: **4** р. безъ доставки и **5** р. съ доставкою и пересылкою.

Главная контора редакцій этихъ журналовъ находится въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

Отдѣленіе Конторы редакцій находится **въ Москвѣ,** на Никольской ул. домъ Славянскаго Базара (**при Центральномъ книжномъ магазинѣ**).

Лечебницы Врачебной Общины:

1) Уголъ Невскаго и Большой Морской д. Росманъ № 13—9, входъ съ Невскаго, 2-й подъѣздъ.

2) Семіоновскій переулокъ, домъ № 5.

3) Николаевская ул. близь Разъѣзжей, д. № 52.

4) Пески, уголъ 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ спеціальностямъ ежедневно отъ 11 до 3 часовъ.

Общая Консультація врачей по воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.

Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

Художественно-Юмористическій журналъ

„СТРЕКОЗА“

ПОДПИСКА на **1880** ГОДЪ.

Широкое распространеніе нашего журнала освобождаетъ насъ отъ необходимости знакомить съ нимъ читающую публику.

«Стрекоза» и въ будущемъ году останется вѣрною своему, сложившемуся уже характеру и своей программѣ.

По прежнему это будетъ легкое и изящное настольное изданіе, всюду сующееся, всѣмъ интересующееся, обо всемъ толкующее и все неутомимо рисующее.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ, въ форматѣ большаго листа (8 страницъ).

Въ будущемъ 1880 году, исключительно годовые подписчики **«Стрекозы»** получатъ безплатно **„Щедринскую Галлерею“** — 12 отдѣльныхъ большихъ листовъ съ портретами и группами, заимствованными изъ сочиненій М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Въ художественномъ отношеніи редакція **«Стрекозы»** постарается сдѣлать эту премію достойною литературнаго значенія произведеній нашего маститаго сатирика. Къ преміи будетъ приложена особая художественная обертка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ.

	На годъ съ преміею.	По полугод. безъ преміи.
Во всѣ города Россійской Имперіи съ пересылкою какъ журналъ, такъ и преміи................	10 р.	5 р. 50 к.

Подписку иногороднюю слѣдуетъ адресовать только исключительно въ редакцію журнала **«Стрекозы»**: въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ, д. № 32.

Въ С.-Петербургѣ.

Безъ доставки на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к.
Съ доставкою » » 9 » » » 5 » — »

Городская подписка принимается только въ конторѣ редакціи по Михайловской, въ д. Европейской гостинницы.

И. Ф. Василевскій (Буква) Редакторъ. **Германъ Корнфельдъ** Издатель.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1880** ГОДУ

ЖУРНАЛА

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(годъ шестой).

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, по возможности, одинъ законченный романъ, или часть его, и небольшую повѣсть или разсказъ. Годовое изданіе состоитъ изъ 12 ти книгъ, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный.

Въ концѣ года подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана, въ видѣ преміи, 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . 8 » 50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ.......... 9 »

Подписка принимается только на цѣлый годъ, но для облегченія взноса денегъ редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му мая остальные. Для гг. служащихъ допускается разсрочка чрезъ ихъ казначеевъ помѣсячно. — Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ: Въ С.-Петербургѣ, — въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Москвѣ, — въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева — Страстной бульваръ, и Живорева — Большая Дмитровка, домъ Благороднаго Собранія.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія непосредственно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», Шпалерная ул. д. № 42.

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ—исключительно въ редакцію, а городскихъ — въ книжный магазинъ Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.

Втеченіи 1880 года редакція предполагаетъ между прочими романами помѣстить слѣдующіе: «Четыре судьбы», ром. Мюльгаузена, «Король сыщиковъ», ром. Шаветта, «Любовь и долгъ», ром. Миссъ Брэддонъ, и др.

Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ жур-

нала, ниже помѣщается списокъ сочиненій, вошедшихъ между прочимъ въ составъ журнала за прежніе года.

Списокъ сочиненій:

«Роковое наслѣдство», ром. въ 3 том. Шаветта—3 р. 50 к. «Босиякъ Вуссовичъ», пов. изъ герцегов. востанія Поллака—90 к. «Султанъ и его враги», ист. ром. въ 2 том. Борна—4 р. «Борьба на жизнь и смерть», ист. ром. въ 3 том. Штернберга—4 р. «Преступленіе Жана Малори», ром. Додэ—1 р. 50 к. «Парижскіе волки», ром. въ 3 том. Кобба—4 р. «Старость Лекока», ром. дю-Буагобе—2 р. 50 к. «Два каторжника», ром. Герштекера—1 р. 50 к. «Блѣдная Графиня», ром. въ 3 том. Борна—4 р. «Замокъ Трамбль», ром. Бернара—1 р. 50 к. «Тайна завѣщанія», ром. Лоранса—1 р. 50 к. «По туманнымъ слѣдамъ», ром. Шаветта—1 р. «Дитя несчастія», ром. Ксавье де-Монтепена—2 р. «Заговоръ королевы», ист. ром. Энсворта—2 р. «Враги женщинъ», ром. Захеръ-Мазоха—2 р. «Уличная Пѣвица», ром. Соньера—2 р. «Почему?», ром. Шаветта—1 р. 50 к. «Питкерское преступленіе», воспоминанія путешествій по Океаніи Луи Жакольо—75 к «Камера № 7», ром. Законэ—2 р. «Призракъ», ром. Бульвера-Литтона—2 р. «Графиня Монтрету», ром.—2 р «Тайны Берлина», ром. Тиссо и Амеро (оконч. ром. «Графиня Монтрету»)—2 р. «Странное завѣщаніе», пов. Захеръ-Мазоха—1 р. «Разбитая жизнь», ром. Кларети—2 р.

Всѣ эти сочиненія можно выписывать и отдѣльно по цѣнамъ, противъ каждаго изъ нихъ означеннымъ.

Пересылка на счетъ редакціи.

Журналъ за 1875 и 1876 года весь разошелся по подпискѣ, журналъ же за 1877, 1878 и 1879 года имѣется въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, которые можно получать въ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: безъ доставки 8 р., съ пересылкою 9 р.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА"

въ **1880** году.

«Православный Собесѣдникъ» будетъ издаваться въ 1880 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе «Православнаго Собесѣдника» на 1880 годъ со всѣми приложеніями къ нему остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, въ редакціи «Православнаго Собесѣдника», при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1880 году два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна «Извѣстій» для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» **четыре** руб., б) а для выписывающихъ и «Православный Собесѣдникъ» **три** руб. (всего за оба изданія **десять** руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи «Православнаго Собесѣдника».

Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги:

А. «Православный Собесѣдникъ» въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878 и 1879 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1863, 1867, 1868, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки «Собесѣдника» за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ «Православный Собесѣдникъ»: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер за годъ, за 1873, 1874, 1875 и 1876 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» приложенія къ нему:

1) Посланія св. Игнатія богоносца (съ свѣденіями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2) Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. За всѣ семь томовъ 24 руб.

3) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 р.

4) Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Феофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на еванг. отъ Матфея. Цѣна 1 р. 75 к. Томъ 2-й на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 к. Томъ третій—на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 р.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 р. 50 к.

5) Его же толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865 Цѣна 1 р.

6) Его же толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 р. 25 к.

7) Его же толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

8) Святаго отца нашего Григорія Двоеслова. Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 р.

9) Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865 Цѣна 1 р. 75 к.

10) Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 к.

11) Сочиненія преподобнаго Максима грека (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 р. 50 к., за второй 1 р. 50 к., за третій 1 р. За всѣ три тома 5 р.

12) Стоглавъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 р.

13) Сочиненіе инока Зиновія: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 р. 50 к.

14) Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 к.

15) Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 р. 25 к.

16) Житіе преподобнаго нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

17) Житіе преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

18) Устройство управленія въ церкви королевства греческаго. Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р. 25 к.

19) Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ. Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

20) Ересь антитринитаріевъ III вѣка. Д. Гусева. 1872. Ц. р. 25 к.

21) Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства. Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

22) Ученіе о лицѣ Господа Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства. Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 р.

23) Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

24) Стародубье. Записки протоіерея Т. А. Верховскаго. Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 р.

25) Толковая Палея. В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

26) Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1876 г. Ц. 30 к.

27) Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима. Цѣна 20 к.

28) Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева. Изд. 2-е 1875 г. Цѣна 50 к.

29) Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ. 1877. Цѣна 40 к.

30) Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Цѣна 1 р. 50 к.

При казанской дух. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками «Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ». Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли аль-корана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству; 27) Религіозное и политическое значеніе хаджа или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р. Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани **Е. А. Малову.**

Отъ издателей можно выписывать книги:

1) «Слова» къ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

2) «Церковная исторія», соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. дух. академіи Н. Соколова. Первый томъ. Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 р. сер. Второй томъ. Цѣна такая же.

3) «Исторія русской словесности». Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 3-е. Цѣна 2 р. 30 к. съ перес.

4) «Твореніе блаженнаго Августина «De Civitate Dei», какъ апологія христіанства въ его борьбѣ съ римскимъ язычествомъ. Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 р.

5) «Первый опытъ крещено-татарскаго словаря». Н. Остроумова. Казань. 1876. Цѣна 1 р.

6) «Руководство къ русской церковной исторіи». П. Знаменскаго. Второе дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 к. На пересылку 25 к.

7) «Очерки по церковной географіи и этнографіи». Сост. С. Терновскій. Цѣна 30 к.

8) «Сборникъ бесѣдъ со старообрядцами». Изд. подъ редакціей э.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

9) «Антитринитаріи XVI в.». Выпускъ 1-й. Соч. Е. Будрина. Казань. 1878. Цѣна 3 р.

10) «Характеристика римскаго католичества съ точки зрѣнія папскаго догмата. Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878. Цѣна 30 к.

11) «Типы современной философской мысли въ Германіи». П. Милославскаго. 1878. Цѣна 2 р 25 к.

Изданіе придворнаго Е. И. В. книгопродавца К. К. Ретгера подъ фирмою Шмицдорфъ.

Открыта подписка на 1880 годъ

НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ

дамскій модный иллюстрированно-литературный журналъ

для семейнаго чтенія

14 годъ **НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ** 14 годъ

«Новый Русскій Базаръ» съ 1880 г. будетъ выходить и разсылаться по прежнему, четыре раза въ мѣсяцъ, т. е. въ количествѣ 48 нумеровъ, 24 модныхъ и 24 литературныхъ, каждый въ объемѣ отъ 1 до 12 листовъ самаго большого формата (in-folio), но въ трехъ изданіяхъ, которыя различаются единственно по количеству парижскихъ модныхъ раскрашенныхъ картинъ; текстъ и остальныя приложенія для каждаго изданія останутся одинаковы. I-е изданіе будетъ имѣть 12 такихъ картинъ, II-е изд. 24 и III-е—48. Такимъ образомъ, каждый подписчикъ I-го изд. получитъ ежемѣсячно одну раскр. картинку, 1-го числа; II-го изд.—двѣ въ мѣсяцъ, т. е. 1-го и 15-го числа; и III-го изд.—четыре въ мѣсяцъ, т. е. одну съ каждымъ нумеромъ.

Съ переходомъ «Новаго Русскаго Базара» въ концѣ прошлаго года къ новому издателю, журналъ этотъ улучшился во всѣхъ отношеніяхъ: ему придана весьма красивая внѣшность, форматъ увеличенъ, внутреннее содержаніе значительно расширено; литературный отдѣлъ, разнообразный и интересный, даетъ превосходный матеріалъ для семейнаго чтенія и украшается роскошными иллюстраціями.

Ведя дѣло на тѣхъ основаніяхъ, которыхъ держится моя, существующая слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, фирма (Шмицдорфъ), т. е. добросовѣстно и аккуратно, я и на будущее время буду преслѣдовать ту же цѣль—стремиться всѣми силами улучшить журналъ, чтобы заслужить полное довѣріе и одобреніе публики.

«Новый Русскій Базаръ» содержитъ:

ВЪ МОДНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Около **3,000** рисунковъ парижскихъ модъ, нарядовъ (дамскихъ и дѣтскихъ) и рукодѣлій (гипюра, филегипюра, тамбурн го, филейнаго и простого вязанья).

Значительное количество изящныхъ узоровъ по канвѣ, атласу и кожѣ, шелками и бисеромъ.

Выкройки, рисунки и мѣтки бѣлья: для дамскаго, мужскаго и дѣтскаго.

До **800** выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ (въ приложеніяхъ).

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

Текстъ, т. е. самое подробное описаніе всѣхъ работъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НУМЕРАХЪ:

Оригинальные и переводные романы, повѣсти и

разсказы для семейнаго чтѣнія. — Научныя, популярно-изложенныя статьи (напр., гигіеническіе и воспитательные очерки, историческіе очерки и пр.). —Стихотворенія.—Виды замѣчательныхъ зданій и мѣстностей, съ описаніемъ ихъ.—Юмористическіе рисунки.—Біографіи замѣчательныхъ лицъ, съ портретами ихъ.—Новости изъ области литературы, искуства и музыки.—Смѣсь (новости, анекдоты, мысли, ребусы и пр.).—Фельетонъ (бѣглая хроника общественной жизни).—Описанія и рисунки новѣйшихъ модъ.—Кухня и хозяйство (разные полезные совѣты, косметика и пр.).—Почтовый ящикъ.

Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются превосходныя и по сюжету и по выполненію иллюстраціи извѣстныхъ художниковъ.

Кромѣ того гг. подписчики получатъ втеченіи года, вмѣстѣ съ литературными №№, нѣсколько **безплатныхъ премій:** въ видѣ гравюръ, узоровъ, нотъ и пр.

Подписная цѣна всѣхъ трехъ изданій слѣдующая:

I-ое изд. съ **12** раскрашенными парижскими картинками.

НА ГОДЪ въ **С.-Петербургѣ:** безъ дост. 6 р. (полугод. 3 р. 50 к.), съ дост. 7 р. (полугод. 4 р.); въ **Москвѣ:** безъ дост. 7 р. (полугод. 4 р.), съ дост. 8 р. (полугод. 4 р. 50 к.); съ перес. въ другія мѣста 8 р. (полугод. 6 р.).

II-ое изд. съ **24** раскрашенными парижскими картинками.

НА ГОДЪ въ **С.-Петербургѣ:** безъ дост. 7 р. (полугод. 4 р.) съ дост. 8 р. (полуг. 4 р. 50 к.); въ **Москвѣ:** безъ дост. 8 р. (полугод. 4 р. 50 к.), съ дост. 9 р. (полугод. 5 р.); съ перес. въ другія мѣста 9 р. (полугод. 5 р.).

III-ье изд. съ **48** раскрашенными парижскими картинками.

НА ГОДЪ въ **С.-Петербургѣ**: безъ дост. 9 р. (полугод. 5 р.), съ дост. 10 р. (полугод 5 р. 50 к.); въ **Москвѣ**; безъ дост. 10 р. (полугод. 5 р. 50 к.), съ дост. 11 р. (полугод. 6 р.); съ перес. въ другіе мѣста 11 р. (полугод 6 р.).

ПОДПИСКА принимается: въ главной конторѣ журнала **«Новый Русскій Базаръ»** въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ **Шмиццорфъ (К. Ретгеръ)**; въ Москвѣ—у книгопродавцевъ, И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева, И. П. Анисимова, на Никольской ул., д Заиконоспасскаго монастыря, А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту, и Б. Постъ, на Неглинной, въ д. Фирсанова.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно.

Издатель: Придворный Е. И. В. Книгопродавецъ **К. К. Ретгеръ.**

Съ 1-го января 1880 года начнетъ выходить безъ предварительной цензуры новаяеженедѣльная газета

„ВРАЧЪ"

подъ редакціей профессора В. А. Манассеина.

Предлагая товарищамъ новое періодическое изданіе, назначенное спеціально для врачей, редакція «ВРАЧА» твердо убѣждена, что трудъ ея будетъ нелишній, такъ какъ она посвятитъ всѣ свои силы разрѣшенію слѣдующихъ задачъ: 1) служить вѣрнымъ зеркаломъ всего, что составляетъ дѣйствительный прогрессъ въ клинической медицинѣ и гигіенѣ; 2) привлечь къ совмѣстной научной работѣ возможно большее число врачей, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; и 3) постоянно подвергать критическому, независимому и безпристрастному разбору всѣ явленія, касающіяся образованія, быта и дѣятельности врачей.

Сообразно съ этими цѣлями программа «ВРАЧА» обнимаетъ собою слѣдующіе отдѣлы:

1) Оригинальныя и переводныя статьи и предварительныя сообщенія по всѣмъ отраслямъ клинической медицины. Статьи по такъ называемымъ теоретическимъ наукамъ (анатоміи, физіологіи, общей патологіи, патологической анатоміи и фармакологіи) будутъ помѣщаемы лишь постольку, поскольку онѣ имѣютъ существенное значеніе для клиники. Въ этомъ отдѣлѣ редакція будетъ помѣщать не одни только труды, которые ей обѣщали доставлять изъ клиникъ и лабораторій, но и всякое дѣльное наблюденіе, гдѣ бы оно ни было сдѣлано. Редакція глубоко убѣждена, что дальнѣйшее, не фиктивное, а дѣйствительное развитіе русской медицины будетъ зависѣть не столько отъ процвѣтанія той или другой клиники или даже того или другого медицинскаго факультета, сколько отъ постояннаго участія въ научной работѣ возможно большаго числа русскихъ врачей. Правда, она знаетъ, какъ невыгодно обставлены для научной работы врачи вдали отъ университетскихъ центровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она знаетъ также и то, какъ много прекрасныхъ наблюденій и по казуистикѣ, и по медицинской географіи, и статистикѣ пропадаетъ только потому, что авторы боятся печатать свои почтенные труды за недостаткомъ обычной литературной обработки. Чѣмъ больше такихъ трудовъ удастся редакціи привлечь на страницы «Врача», тѣмъ болѣе сочтетъ она удовлетворенной одну изъ своихъ задачъ.

2) Самостоятельныя и переводныя статьи и предварительныя сообщенія по отдѣламъ общественной и частной гигіены. Имѣя въ виду, что «общія мѣста» и «громкія фразы», которыми подчасъ такъ обильна гигіеническая литература, по меньшей мѣрѣ, излишни,—по крайней мѣрѣ, въ газетѣ, издаваемой для врачей,—редакція употребитъ всѣ свои старанія давать и въ этомъ отдѣлѣ только статьи, основанныя, по возможности, на фактическихъ данныхъ. Съ особенною охотою она откроетъ свои страницы всѣмъ вопросамъ по земской, городской, военной, школьной и больничной гигіенѣ. Не умѣя представить себѣ настоящаго врача иначе, какъ и терапевтомъ и гигіенистомъ одновременно, редакція будетъ особенно стараться о поддержаніи естественной связи между терапіей и гигіеной.

3) Статьи, посвященныя образованію, быту и общественной дѣятельности врачей. Гласность, освѣтившая уже нѣкоторые закоулки русской жизни, коснулась сравнительно лишь очень мало быта врачей. А между тѣмъ бытъ этотъ,—быть можетъ, даже болѣе другихъ,—нуждается въ самой широкой гласности. Недостаточно разбирать одну сторону—отношеніе общества къ врачамъ; необходимо также не закрывать глазъ и на тѣ печальныя явленія, причины которыхъ коренятся въ самихъ врачахъ; только подъ этимъ условіемъ возможны не бумажныя, все загубляющія, а дѣйствительныя реформы. Безпристрастная, независимая и трезвая критика, избѣгающая всякихъ личностей, но и непугающаяся гнѣва задѣтыхъ самолюбій—вотъ чѣмъ будетъ руководствоваться редакція «Врача» въ обсужденіи всѣхъ условій русскаго врачебнаго быта. Но, отнюдь не считая себя непогрѣшимою, редакція никогда не откажется дать мѣсто всякому добросовѣстному противнику своихъ мнѣній, конечно, сохраняя за собой полную свободу критики.

4) Статьи по исторіи медицины, въ особенности русской, біографіи и некрологи врачей. Въ этомъ отдѣлѣ редакція постарается по возможности избѣгать, какъ «послужныхъ списковъ», такъ и того вреднаго правила, въ силу котораго о мертвыхъ принято говорить только «доброе». Она убѣждена, что и тутъ прежде всего нужна правда.

5) Критическія статьи и библіографическія замѣтки о главнѣйшихъ иностранныхъ и всѣхъ русскихъ книгахъ, касающихся программы «Врача».

6) Рефераты о главнѣйшихъ иностранныхъ и по возможности всѣхъ русскихъ работахъ, касающихся программы «Врача».

7) Критическіе отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей, а также и о диспутахъ.

8) Слухи, мелкія извѣстія и выборки изъ политическихъ газетъ и правительственныя распоряженія, почему-либо могущія интересовать врачей.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ объявленій о тайныхъ средствахъ и рекламъ, которыя не будутъ принимаемы ни въ какомъ случаѣ и ни въ какой формѣ

Редакція заручилась уже обѣщаніемъ содѣйствія со стороны слѣдующихъ лицъ: С. П. Боткина, И. И. Бурцева, А. А. Гена, А. Е. Голубева, М. И Горвица, Ю. Ю. Гюбнера Н. П. Ивановскаго, М. Я. Капустина, В. М. Кернига, Д. И. Кошлакова, Ф. П. Ландцерта, Ф. Л. Леша, Э. Ф. Морица, А. Г. Полотебнова, М. И. Рейха, Н. В. Склифасовскаго, А. И. Таренецкаго, В. М. Тарновскаго, И. Р. Тарханова, М. А. Хомяко, А. Я. Щербакова и Э. Э. Эйхвальда. Сверхъ того, редакція имѣетъ основаніе разсчитывать на согласіе участвовать во «Врачѣ» еще и многихъ другихъ лицъ.

«Врачъ» будетъ выходить каждый четвергъ, отъ 1 до $1^1/_2$ листовъ въ недѣлю (75 листовъ въ годъ). Цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 9 рублей, а для петербургскихъ подписчиковъ 8 рублей; за полгода 5 рублей съ пересылкою и 4 р. 50 к. для петербургскихъ подписчиковъ. Подписка принимается у издателя книгопродавца **К. Ф. Риккера** (въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Морскихъ, д. № 14).

Статьи (всего лучше въ страховыхъ письмахъ) и вообще все, касающееся собственно редакціи, просятъ адресовать на имя редактора по слѣдующему адресу: **Вячеславу Авксентьевичу Манассеину**, въ Петербургѣ, на Выборской Сторонѣ, по Симбирской улицѣ, д. 57, кв. № 4.

Относительно же подписки, помѣщенія объявленій и вообще всѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ просятъ адресоваться на имя издателя **Карла Федоровича Риккера** (по вышеуказанному адресу).

Примѣчаніе. О каждой присланной на имя редакціи книгѣ будетъ сдѣлано два безплатныхъ объявленія въ 2 ближайшихъ №№ газеты.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

годъ пятый.

«ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ» БУДУТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1880 Г. БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи **„Врачебныхъ Вѣдомостей"**. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить **«Врачебныя Вѣдомости»**, восполняя дѣйствительный пробѣлъ спеціальной прессы — отсутствіе такого періодическаго органа, который бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщеній, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. **«Врачебныя Вѣдомости»** не щадили усилія, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній, какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь главнымъ образомъ практичностью первыхъ и полезностью послѣднихъ. На сколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но тѣмъ не менѣе она въ правѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи ртсширить свои отдѣлы получили, наконецъ, удовлетвореніе. **«Врачебныя Вѣдомости»** ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшійся впослѣдствіи источникомъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и **«Врачебныя Вѣдомости»** имѣли возможность сообщать своевременно о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобствъ читателей газета на будущій годъ приняла мѣры къ большему расширенію и этого отдѣла. — Въ 1880 г. **«Врачебныя Вѣдомости»** будутъ выходить по той же программѣ.

Подписная цѣна.

Безъ пересылки на годъ 6 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р.

Съ пересылкой и доставкой на годъ 8 р., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

Подписка принимается: въ *Петербургѣ* — въ конторѣ редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей», Владимірская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иныя требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей».

При конторѣ редакціи открыты книжный складъ медицинскихъ изданій, который исполняетъ немедленно всѣ требованія гг. заказчиковъ, и бюро для подписки на журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные.

„ПРИРОДА и ОХОТА"

Выходитъ ежемѣсячно, книгами около 15 печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ и 2—3 литографированными (частью хромолитографированными) приложеніями Въ концѣ года, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ выданы подписчикамъ особыя преміи, въ томъ числѣ одна олеографія съ картины художника Перова, еще неизвѣстной публикѣ: «Медвѣжья охота». Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные популяризаторы, путешественники и охотники.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ: I. Популярныя статьи по чистому и прикладному естествознанію, медицинѣ, гигіенѣ, технологіи, сельскому хозяйству и т. п. — Статьи этнографическаго содержанія. — Путешествія русскихъ и иностранцевъ. — Хроника новѣйшихъ открытій, усовершенствованій и изобрѣтеній. — Монографіи охотничьихъ и промысловыхъ, вредныхъ и полезныхъ животныхъ.

II. Статьи по ружейной и псовой охотѣ, — о ружьяхъ, собакахъ, породахъ птицъ и звѣрей, какъ предметѣ охоты; о конкозаводствѣ, рыболовствѣ, голубеводствѣ и т. д. — Охотничьи разсказы и очерки. — Мелкія статьи и корреспонденціи. — Разныя извѣстія.

Подписная цѣна: на годъ **12** р., съ перес и доставкой на домъ **13** р. **50** к.; на полгода: **7** р., съ перес. и доставкою **8** р.

Примѣчаніе. Лицамъ, подписавшимся въ *редакціи* (а не въ книжныхъ магазинахъ) до 1-го января — выдаются (или высылаются) двѣ большія гравюры, исполненныя въ Парижѣ, изображающія парфорсную охоту,—и дѣлается уступка 20% съ журнала за 1878 и 1879 годъ, т. е. за каждый годъ платится по 9 р. 60 к. (На пересылку каждаго года прилагается за 10 фунтовъ, по разстоянію).

Оставшіеся экземпляры **„Журнала Охоты"** и Сборника **„Природа"**, издававшихся до 1878 года отдѣльно, продаются: Весь «Журналъ Охоты» за 1874—1877 г., въ 7 томахъ, за 25 рублей (пересылка за 20 фунт., по разстоянію); — Сборникъ «Природа» за 1873—1877 года (17 томовъ, съ 1400 рис. въ текстѣ) распродается въ редакціи съ уступкой болѣе 50%, а именно: экземпляры съ 102 хромолитографированными и литографированными приложеніями за 25 рублей (вмѣсто 53 р.), — экземпляры безъ приложе-

ній — за 12 руб. (вмѣсто 32 р.). На пересылку каждаго экземпляра прилагается за одинъ пудъ пять фунтовъ, по разстоянію (можно пересылать и черезъ транспортныя конторы, съ уплатой пересылочныхъ денегъ получателемъ на мѣстѣ). — Сборникъ «Природа», заключающій въ себѣ популярныя статьи и лекціи извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ профессоровъ и путешественниковъ, по содержанію своему и по роскошной внѣшности составитъ украшеніе каждой библіотеки и можетъ служить лучшимъ подаркомъ.

Редакторъ-издатель **Л. П. Сабанѣевъ.**

Всѣ требованія и подписныя деньги просятъ адресовать въ контору редакціи журнала «Природа и Охота». **С.-Петербургъ**, Троицкій пер., д. № 23.

Открыта подписка на 1880 годъ

Годъ II. „ШУТЪ“ Годъ II.

БОЛЬШОЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРРИКАТУРЪ,

печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ

(ХРОМОЛИТОГРАФІЯ).

Выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, in quarto, помѣщая на своихъ страницахъ: рисунки, каррикатуры, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, анекдоты, шарады, загадки, ребусы и т. д. И въ художественномъ и литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе многіе литераторы, поэты, художники и каррикатуристы. Журналъ, всесторонне касаясь явленій текущей жизни, имѣетъ отдѣлы: театральный, библіографическій и художественный.

Успѣхъ перваго года изданія даетъ намъ возможность, не смотря на значительныя издержки при печатаніи красками въ нѣсколько тоновъ,—не увеличивать подписной цѣны.

Краткій перечень содержанія журнала «ШУТЪ»: въ годъ **52** нумера большого формата, которые содержатъ между прочимъ: **156** большихъ рисунковъ въ четыре краски, болѣе **350** рисунковъ въ одну краску, **260** страницъ тексту въ прозѣ и стихахъ.

Кромѣ того на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ акомпанементомъ.

Условія подписки:

За годъ съ пересылкой и доставкой....... **6** р.
» » безъ доставки........................ **5** »
» шесть мѣсяцевъ съ перес. и достав.... **4** »
» » » безъ доставки........ **3** »

Подписка принимается на имя редакціи: С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Николаевской, домъ № 1.

ОБЪ ИЗДАНІИ

въ 1880 году

„ОРЛОВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Въ 1880 г. «Орловскія Губернскія Вѣдомости» будутъ выходить два раза въ недѣлю — по **средамъ** и **субботамъ**; издаваться будутъ въ томъ же видѣ и форматѣ, въ какомъ онѣ издаются въ текущемъ году.

Подписная цѣна.	Безъ достав. на домъ и пересылки.	Съ достав. на домъ и перес. въ друг. гор.
На годъ............	4 р. — к.	5 р. 20 к.
На 8 мѣсяцевъ	3 » — »	3 » 9 »
На полгода........	2 » 50 »	3 » 15 »

Подписка принимается: Въ гор. Орлѣ, въ редакціи Губернскихъ Вѣдомостей, состоящей при губернскомъ правленіи.

Въ уѣздныхъ городахъ Орловской губерніи у гг. исправниковъ и полиціймейстеровъ.

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“,

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ (ГОДЪ 6-Й),

будетъ выходить въ 1880 году еженедѣльно въ прежнемъ форматѣ и объемѣ. Она даетъ въ годъ около 400 изящныхъ рисунковъ въ текстѣ, относящихся преимущественно къ современнымъ событіямъ, лицамъ и открытіямъ, а также МОДЫ четыре и болѣе раза въ годъ.

Содержаніе ея: политическія извѣстія и новости по Россіи. Повѣсти и разсказы (преимущественно историческіе), стихотворенія, корреспонденціи, критика и библіографія, статьи по наукамъ и искусствамъ, новости техническія и хозяйственныя. Цѣль «Газеты Гатцука» сообщать читателямъ обо всѣхъ текущихъ новостяхъ подробно, но въ сжатомъ видѣ, такъ что, въ особенности для иногородныхъ, она вполнѣ замѣняетъ газеты ежедневныя, отчасти же и журналы.

Въ особомъ безплатномъ **прибавленіи** прилагаются лучшіе переводные повѣсти и романы съ рисунками. Кромѣ этой преміи, а также безплатно разсылаемаго подписчикамъ «Крестнаго Календаря» на 1880 годъ на веленевой бумагѣ, годовые подписчики получатъ концу года **1-й выпускъ драмъ Шекспира** въ новомъ стихотворномъ переводѣ, изящно издаваемый съ рисунками, подъ редакціею профес. московскаго университета Н. И. Стороженко и А. А. Гатцука. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ этихъ выпусковъ составится изящное «полное собраніе драматическихъ произведеній».

Въ «Газетѣ» принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые и литераторы (проф. Ф. И. Буслаевъ, И. И. Срезневскій, Н. И. Костомаровъ, Д. Л. Мордовцевъ, Ольга N (псевдонимъ), А. Ф. Писемскій, Н. И. Стороженко, И. С. Тургеневъ и др.).

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки 3 руб.; съ пересылкой и доставкой 4 руб.; на полгода 2 руб. 25 коп., на 1 мѣсяцъ 50 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Столовый пер., д. Долинской. Редакторъ-издатель А. ГАТЦУКЪ.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ

НА САМЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ПО ЦѢНѢ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВѢТЪ ВЪ КАРТИНАХЪ“

Годъ III.

Годовая цѣна **3 руб. 60 коп.** съ пересылкою. За полгода **2 руб. 24 №№** въ годъ.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, юмористическіе очерки и картинки, историческіе, біографическіе и бытовые очерки, общедоступныя бесѣды о наукахъ, искуствѣ, литературѣ, отчеты о главнѣйшихъ процессахъ, мелкія замѣтки о замѣчательныхъ и курьезныхъ явленіяхъ, анекдоты, остроты и каррикатуры.

Въ 1880 году къ журналу будетъ приложена премія:

изящный олеографическій

ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Портретъ грудной, въ половину натуральной величины и написанъ въ 20 тоновъ. ($11^1/_2$ и $8^3/_4$ верш.) За упаковку и пересылку портрета гг. подписчики приплачиваютъ 90 коп.

Кромѣ того гг. подписчики получатъ еще двѣ олеографическія преміи ($11^1/_2$ верш. и $8^3/_4$ верш.):

ЕВРОПЕЙСКАЯ КРАСАВИЦА и ВОСТОЧНАЯ КРАСАВИЦА.

За пересылку и упаковку каждой преміи гг. подписчики приплачиваютъ 75 к.

Наши подписчики знаютъ, что преміи, выдаваемыя нами при журналѣ, не оставляютъ желать ничего лучшаго и могутъ служить украшеніемъ любой гостиной.

Всѣ преміи высылаются немедленно, по полученіи требованія. Трудно найдти болѣе изящный рождественскій подарокъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Ригѣ, на Александровскомъ бульварѣ.

1880 (восьмой) годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

ГАЗЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ.

Выходитъ три раза въ недѣлю.

по

средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ.

Программу изданія составляютъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

Подписная цѣна:

На годъ съ достав. и пересылкой... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс. » » ... 3 р. 75 к.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ Орлѣ, по Зиновьевской ул., д. № 1-й

Редакторъ издатель **А. Н. Чудиновъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Полицейскаго Листка Керчь-Еникольскаго Градоначальства“.

Вступивъ въ 22-й годъ своего существованія, «Полицейскій Листокъ Керчь-Еникольскаго Градоначальства» останется вѣрнымъ своей задачѣ,—и въ скромныхъ предѣлахъ программы и силъ, посвящаетъ свою дѣятельность служенію «пользамъ и нуждамъ» Градоначальства, гармонически сливающимся въ широкое понятіе мѣстнаго общественнаго интереса.

Редакція сочтетъ свою задачу выполненною, если перо ея окажется полезнымъ плугомъ на нивѣ тѣхъ интересовъ и цѣлей, какіе были намѣчены при основаніи «Листка» и совершенно рельефно обрисовываются рамками излагаемой здѣсь программы.

Все содержаніе газеты распадается на двѣ части: офиціальную и неофиціальную. Въ первой помѣщаются постановленія правительства и распоряженія мѣстной администраціи. Во второй найдутъ себѣ мѣсто относящіяся до г. Керчи и вообще до Керчь-Еникольскаго Градоначальства свѣдѣнія и матеріалы: географическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе и проч., статьи и свѣдѣнія о явленіяхъ и происшествіяхъ, какъ въ предѣлахъ г. Керчи и Керчь-Еникольскаго Градоначальства, такъ и вообще Таврической губерніи; статьи и свѣдѣнія о публичныхъ зрѣлищахъ, собраніяхъ и другихъ увеселеніяхъ; о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ и торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о рыночныхъ и справочныхъ цѣнахъ; казенныя и частныя объявленія.

Сверхъ того въ содержаніе части неофиціальной входятъ политическій отдѣлъ и телеграммы.

Газета выходитъ еженедѣльно—по воскресеньямъ.

Условія подписки остаются тѣ же: за годовое изданіе 3 р., съ доставкою или пересылкою 4 р.; за полугодовое—1 р. 80 к., съ доставкою или пересылкою 2 р. 50 к.

За редактора **Ник. І. Холева.**

ГАЗЕТА

КОННОЗАВОДЧИКОВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ

въ 1880 году.

(годъ седьмой).

Будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе шесть лѣтъ (съ 1874 г.), неуклонно слѣдуя своей задачѣ служить независимымъ органомъ русскаго коннозаводства, спорта, кавалерійскаго и ремонтнаго дѣла въ Россіи, знакомя въ тоже время интересующуюся этимъ дѣломъ публику съ движеніемъ его за границею. Газета выходитъ безъ предварительной цензуры два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа, въ объемѣ одного (или болѣе) печатнаго листа убористаго шрифта.

Въ приложеніи въ газетѣ печатаются (на особыхъ условіяхъ съ владѣльцами) описи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи, составляющія продолженіе изданныхъ уже по этому предмету заводскихъ книгъ (стутбуковъ).

Кромѣ того, къ концу года всѣ подписчики получаютъ въ видѣ преміи «Альбомъ замѣчательныхъ лошадей», состоящій изъ портретовъ наиболѣе выдающихся (преимущественно въ данномъ году) лошадей, художественно исполненныхъ новымъ фотолитографическимъ способомъ, съ описательнымъ текстомъ.

Цѣна годовому изданію газеты со всѣми къ ней приложеніями семь руб. съ пересылкою и доставкой на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи газеты и у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, А. Л. Васильева, М. О. Вольфа, Н. И. Мамонтова и другихъ; въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Я. А. Исакова, Мамонтова, Вольфа и другихъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно такъ: въ Москву, въ редакцію «Газеты Коннозаводчиковъ и Любителей Лошадей», на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, домъ Мясникова. Редакторъ-издатель **Н. ЛОДЫГИНЪ.**

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1880 году

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предъидущіе шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библіографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ **годовымъ** подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ **«Календарь для духовенства»** на 1880 годъ. Въ составъ его, между прочими необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) полный текстъ устава духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ появится въ печати въ первый разъ); 2) полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3) полный сводъ постановленій Св. Синода, касающихся съѣздовъ духовенства; 4) подробное изложеніе слѣдственной части въ духовномъ вѣдомствѣ, съ присоединеніемъ относящихся къ дѣлопроизводству по сему предмету формъ отношеній, повѣстокъ и т. д.; 5) постановленія о благочинической присягѣ и отчетности, и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя имѣется въ виду напечатать въ **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** 1880 года, редакціею пріобрѣтено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. И. Ростиславова «Объ ученомъ монашествѣ». Оно предназначалось къ помѣщенію въ газетѣ еще въ текущемъ 1879 году, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отложено до будущаго года. Печатаніе его начнется съ первыхъ же №№ **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»** на 1880 годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи — на годъ 7 рублей, на полгода 4 руб.; за границей — на годъ 10 рублей.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ редакціи **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, на Пескахъ, по Конногвардейской улицѣ, № 59.

Редакторъ-издатель **А. Поповицкій.**

При 47 № «Жив. Об.» прилагается гг. иногороднымъ подписчикамъ (кромѣ Москвы) объявленіе отъ московскаго чайнаго магазина **Ф. В. Аплаксина.**

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 23 Ноября 1879 года. **Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. 12.)**